

Александр Плетнев

ЭПОХИ ХОЛСТ –
БАГРЯНОЙ КИСТЬЮ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Плетнёв

Эпохи холст – багряной кистью

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Плетнёв А. В.

Эпохи холст – багряной кистью / А. В. Плетнёв — «Издательство АСТ», 2022 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-151967-4

Как правило, планы, составленные на бумаге в штабах, сталкиваясь с реальностью, никогда не срабатывают так, как задумывались. И зачастую «заказанную музыку играют не по тем нотам». И вот корабли 1-й Тихоокеанской эскадры покидают Порт-Артур, выходя в море, навстречу японским силам, навстречу генеральному сражению. Удастся ли Витгефту в новой редакции выстоять? Успеет ли Рожественский так, как задумывалось, вступить своим отрядом в решающий момент? Или адмирал Того сможет разбить русских по частям...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151967-4

© Плетнёв А. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Порт-Артур, база Императорского флота России на Тихом океане	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Владимирович Плетнев
Эпохи холст – багряной кистью
Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Александр Плетнев, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Порт-Артур, база Императорского флота России на Тихом океане

Экспансивные интересы Японии распространялись на многое, включая разделённый полуколонизированный Китай, Маньчжурию, всю Корею, не говоря уже о других нереализованных фантазиях алчущих имперских стратегов-генералов.

Но именно Порт-Артур в русско-японской войне 1904–1905 годов был ключевым местом – как опорная крепость, как военно-морской форпост. И как место базирования 1-й Тихоокеанской эскадры, обстоятельства для которой не особо изменились к данному моменту и сроку... невзирая на «подсказки из будущего», несмотря на предпринятые усилия экипажей по подготовке кораблей к выходу в море и к бою. К сражению, которое виделось неизбежным и, возможно, роковым.

Контр-адмирал Витгефт Вильгельм Карлович – командующий, так и не избавившийся от приставки «временный» (по крайней мере, мысленно уж точно), полностью осознавал, что встречи с боевыми отрядами Того не избежать и возглавить эскадру придётся по-настоящему.

Он по-прежнему не верил в себя как во флотоводца, сомнительно относился к подробнейшим наставлениям и рекомендациям из Санкт-Петербурга... Впрочем, намеревался неукоснительно их выполнить и добиться этого (чуть ли не пошагового) выполнения от подчинённых.

«Вновь подтверждаю... к неуклонному исполнению вывести эскадру из Порт-Артура, следуя на соединение с отрядом Рождественского, по возможности вступив в бой с неприятелем и даже ценой потери кораблей нанести ему решительное поражение.

Возвращение эскадры в Порт-Артур с неминуемой гибелью судов в обстреливаемой гавани, а также интернирование любого корабля, не потерявшего возможности к сопротивлению, ляжет тяжёлой ответственностью перед законом, падёт несмываемым бесчестьем на Андреевский флаг и российский флот.

Содержание настоящей телеграммы сделать известным всем адмиралам и командирам.

Его императорское величество Николай II».

Получив это окончательное и неоднозначное высочайшее поучение, исполняющий обязанности командующего Тихоокеанской эскадры Российского Императорского флота на Тихом океане контр-адмирал Витгефт отдал приказ – коротко и бесповоротно: «...на рассвете».

Вытерпев остаток дня и бессонную ночь, с рассветом, уже немало «исцарапанные» огнём осадных 120-миллиметровых пушек, последние эскадренные корабли стали выходить на рейд. Проглатывая напоследок и вдогонку эдакие «пинки в зад» – залётные японские снаряды, что пробивали утренний туман и наставленную дымовую завесу, шлёпаясь то тут, то там в воду, на удивление всего лишь дважды зацепили концевой «Севастополя». Впрочем, не особо серьёзно. Уходя, «Севастополь» ещё бил по горе Высокой, поддерживая крепостные пушки, что перемещивали с землёй японские позиции.

Наутро Стесселем был назначен штурм.

Снова сомневаясь: «не сдюжим, совсем будем избиты, потеряем суда в решительном бою, что прочит нам Авелан», Вильгельм Карлович Витгефт только удивлялся оптимизму «штабного издалёка», вменяющего ему действовать «так» вначале и ни в коем случае не «эдак» потом, в то же время оставляя место «здоровой инициативе по своему усмотрению».

«Какое противоречие! А спросят с меня! За всё спросят с меня!» – сетовал контр-адмирал, сдерживая досаду и нервическую зевоту, так как за ночь едва прикорнул на пару часов. И отчаянно проклинал весь Дальний Восток с его желтопузым населением, и обречённый Порт-Артур с его мелководными фарватерами, и японских богов, которые здесь, на своей территории, оказались сильнее всех православных икон и молебнов, и общую бестолковость, по деликатности своей не бранясь громко и вслух, когда сильным течением корабли протащило по собственному минному полю, удивительным образом и будто знаком свыше миловал от происшествий.

И снова брал себя в руки. И снова удивлялся странным точечным подробностям петербургских инструкций:

«Уж не знаю, откуда им там, с берегов Невы видно, но чего только стоит предупреждение о незакрытых люках бронепалубы „Полтавы“. Поразительно!»

Поразительно папахивало мистикой! Ради интереса (надо ж, у него ещё и на столь праздные интересы нашлось желание!) сделал запрос командиру «Полтавы» уже в море, когда окружающие Порт-Артур грязно-бурые высоты пропали в дымке.

И извольте – открыт люк! По халатности ли... а скорей обормоты трюмные оставили себе лазейку на случай потопления корабля.

И совершенно обидным и неприятным было дополнительное нравоучительное послание, за подписью самого государя лично Вильгельму Карловичу: «Ни в коем случае в распоряжениях по эскадре и среди офицеров в риторике... не придерживаться упаднических настроений. Не помышлять о поражении и интернировании».

Тут же, во строках ниже, подсластил: «Верим в победу, уповаем на ваш талант стратега!»

«Что, признаться, польстило, – вымученно сам себе улыбнулся контр-адмирал, – приятно-с».

А ещё: «Беречь себя и бой вести исключительно из боевой рубки».

«Ну, надо ж! Как дитятю малого опекают!»

За выходом русского флота следили блокадные суда противника – едва бриз погнал утреннее марево, недалече обозначился японский миноносец. Подобно крадущемуся мелкому хищнику он нагло скользнул ближе и, удовлетворившись своим наблюдением, так же быстро удалился, «заверещав» открытой «искрой».

Вскоре на горизонте завилась дыма крейсеров – какие-нибудь «Хасидате» и «Мицусима», судя по их однотрубности.

«Конечно, Того уже извещён, какие корабли вышли в море и какой курс нами взят», – опустил и снова поднял бинокль Вильгельм Карлович. Не испытывая по поводу осведомлённости противника никаких эмоций – ни досады, ни тревоги.

Эскадра выстраивалась в походный порядок – кильватерная броненосная колонна во главе с флагманским «Цесаревичем», следом шли «Ретвизан», «Победа», «Пересвет» под флагом младшего флагмана контр-адмирала Ухтомского, затем «Севастополь» и «Полтава».

Крейсера «Аскольд», «Паллада», «Диана» пристроились позади. Кроме «Новика», который забежал вперёд гончим наблюдателем.

Миноносцы, все, какие смогли привести в боеспособное состояние, держались по траверзу «больших дядей», выстроив свою «детскую» кильватерную колонну.

Совет флагманов, собранный контр-адмиралом Витгефтом, состоялся накануне с вечера, продлившись до поздней ночи.

– Довожу, господа, до вас обновлённый план похода со всевозможными... уж простите, со всевозможными «если». В первую очередь, если враг на выходе преградит нам путь равными либо превосходящими силами (в чём у меня нет ни малейшего сомнения), нам предпри-

сывается дать решительное сражение, стремясь на соединение с отрядом Рождественского. К сожалению, в изменившихся условиях встреча с Зиновием Петровичем намечена в условленном месте близ острова Квельпарт, что в пятистах милях от нашего нынешнего расположения. В этом же случае стоит рассчитывать на подоспевшие владивостокские крейсера, прошедшие Корейским проливом. Но прежде хочу обрадовать, при очевидности, что данная информация является пока секретом! Господа, Рождественский подойдет всеми тремя броненосцами!

Среди последовавшего оживившегося офицерского ропота, тем не менее, выделялось мнение, что «эскадрой решено пожертвовать, отправив на неравный бой, в то время как Рождественский придет на готовенькое».

– Даже если это так, сие не лишено разумности, – уверенно возразил начальник штаба контр-адмирал Матусевич. – Заглядывать надо за горизонт тактики – в стратегию! Отчаянно сражаясь, мы, быть может, потопим несколько неприятельских кораблей, тем самым ценой собственных потерь облегчим дело для новейших броненосцев Рождественского.

– На «несколько» я не рассчитываю... – заикнулся было Витгефт, но осёкся, вспомнив категорическое царское «не унывать». Вместе с тем тоскливо призадумавшись: «Эх, боюсь, скорей всего побьём, покалечим мы в линии друг дружку с тем или иным невразумительным результатом. Было бы непростительным легкомыслием допускать, что Того позволит наносить вред своим кораблям до изнеможения – уйдёт паразит в Курэ да в Сасэбо на „лечение“. А нам куда? Доползут ли израненные корабли до Владивостока? Эх, если бы Стессель опрокинул врага с Высокой. Можно было бы дать судам ремонт в Артуре».

То, что ремонтировать всяко будет чего, уж сомнений не было. Тут же вспомнил строки из рекомендательных указаний петербургского штаба: «Ввиду возможности потери управления и командования флагманским броненосцем принять дополнительные меры по дублированию командования эскадрой».

Снова не понимал: «Вот что за чертовщина-мистика? Вне сомнения, что Того, как и я, намерен со всей возможностью расстрелять флагманское судно. Но откуда они взяли, что у „Цесаревича“ будут перебиты рули с последующей циркуляцией хода? И как вот мне сейчас на совещании младшим флагманам это преподнести? Сочтут, что спятил их адмирал! Не могу же я выдать за спятивших штаб и самого государя? Хм... однако зная склонность императора ко всякого рода прорицателям...»

– А на что же нам рассчитывать? – вернул из краткой задумчивости голос Ухтомского.

– В линейном бою огонь рассредоточим согласно строю, от «головного» корабля противника до «концевого», – сдержав вздох, объявил командующий, – при охвате с кормы либо с носа бьём по возможности и сообразности.

Есть несомненное искушение поразить флагманский броненосец Того – «Микасу», поскольку голова она и есть голова. Дай ей хорошенько по мозгам, по хэйхатировским мозгам, так и глядишь – не сдюжит супостат. Невольно будет судить по своему состоянию о неприятностях по всей эскадре. Однако более двум бить по одному не рекомендую, дабы не путаться в собственных всплесках.

– При рассредоточении огня не то что утопить, сильно измолотить бронированный корабль весьма сложно, – заметил Матусевич.

– Броненосцы – да, – согласился Витгефт, – а вот броненосные крейсера Дэвы... вот этих, если подвернутся – подпустить и лупить смертным боем, пока не убежали из-под накрытий! А там дай бог ночь и дело за миноносцами. Для того их всех и берём. Минным силам атаковать подранки ночью, затем немореходным миноноскам отступать в Порт-Артур. Нас же – подранков, – выдал скрепя сердце адмирал, – будут прикрывать крейсера. Посему бронепалубникам ни под каким видом с более сильным противником в бой не ввязываться, укрываясь за бронированной колонной. Ваши пушки, господа, пригодятся нам в ночных атаках.

И главное! Что бы ни случилось, эскадра поддерживает генеральный курс. При видимой потере управления «Цесаревича» (вдруг!) командование немедленно принимает младший флагман и переходит на «Пересвет».

Самым большим желанием Витгефта было довести свои корабли до места randevу... любой ценой, где с облегчением передать командование эскадрой (или то, что от неё останется) – либо Рожественскому, либо Дубасову, который должен прибыть туда же с владивостокскими крейсерами.

* * *

Пробило четыре склянки – десять утра.

Отпустив тралящий караван, флагманский корабль, подняв сигнал «Флот извещается, что государь император приказал нам...», лёг на курс, ведущий в сторону Корейского пролива.

День обещал быть солнечным, но ясным ли?

Уже к 11 часам дня с приартурских высот эскадра напоминала о себе только обильным дымным затемнением на горизонте.

В бухте Белый Волк под прикрытием канонерских лодок «Гиляк» и «Отважный» ползали тральные суда, вылавливая японские мины. Бухта не простреливалась с японской стороны, и здесь могли отстояться последние уцелевшие суда Порт-Артура. Сюда же, несмотря на все безнадёжности и царские приказы, могли вернуться израненные корабли Тихоокеанской эскадры.

Осторожный и прагматичный Витгефт не исключал такой вероятности.

В Порт-Артуре артиллерийская канонада сменилась где дружным, где захлёбывающимся «ура!», ружейным треском, хлопками самодельных бомбочек!

Людская масса, бегущая, падающая, отступающая и снова бросающаяся вверх, упрямым беспокойным муравейником осаждала занятую японцами гору Высокая.

За непомерно заваленные борта «Цесаревича» прозвали «пузаном». Особенно если смотреть на броненосец со стороны кормы...

Способный выдать более восемнадцати узлов, вожак русской «стаи» умеренно держал десять узлов, подстраиваясь под тихохода «Полтаву» и «наглотавшегося» воды «Ретвизана».

Японцы появились не одновременно, но как будто со всех сторон, сжимая дымную погоризонтную петлю.

Два крейсера-«мацусимы», естественно, никуда не делись, маяча на левом траверзе, не прекращая работать телеграфом.

Витгефт не счёл нужным глушить их передачи за бесполезностью сего занятия, мягко отмахнувшись от флаг-офицера:

– Пусть им... не перебивать.

Продолжали сновать туда-сюда на разном удалении и направлениях японские миноносцы, которые до этого попытались атаковать тралящий караван и были решительно отогнаны «Новиком».

Теперь же основательно загустело чадом из угольных топок слева впереди и сзади на правой раковине – по-видимому именно оттуда стягивались главные силы Того.

Создавалось неприятное зловещее впечатление, будто обкладывают со всех сторон.

«Однако... – вглядываясь, накрутив колесико бинокля на лучшую чёткость, оценивал адмирал, навскидку прикинув, – пока далеко до них... более ста кабельтовых. Определить, кто и что, будет возможным спустя некоторое время».

Поначалу Вильгельм Карлович суетливо вышагивал на мостике, дабы лично рассмотреть в оптику сгущающуюся угрозу. Но потом, очевидно, устав, уж только принимал доклады, оставаясь на левом крыле, по всему виду снова впав в апатию, игнорируя даже приятные ароматы

– кто-то расстарался заказать кофий и сдобу с камбуза, понимая, что скоро будет не до перекуса. А командующий и ухом-носом не повёл, фатально готовый воспринимать исключительно другие запахи – угля, пороха, гари и, наверное (наверняка), ядовитой шимозы.

Командующий, слушая очередные уточнения – откуда, сколько, какими силами и курсами приближается враг, больше оглядывался назад, на вытянувшиеся в колонны корабли своей эскадры, словно ещё раз пытаюсь заручиться силой и уверенностью – сдюжим ли, одолеем ли врага?

Ветер дул в северо-восточном направлении, погода всё более становилась ясной, барометр шёл в рост, и дым неожиданно легко уносило вверх, позволяя рассмотреть нагнавшее эскадру госпитальное судно, выделявшееся согласно Гаагской конвенции белым окрасом.

В частной беседе с капитаном госпитальной «Монголии», коя наверняка не стала откровением для остальных офицеров эскадры, адмирал просил «в случае гибели какого-либо корабля всенепременно бежать на спасение команды, вызволяя из воды! Уж вас-то не посмеют тронуть. Только ради бога ночью светитесь всеми огнями, а то засветят вам басурмане миной самодвижущейся по случайности... с них станется».

Флагманский броненосец вдруг рыскнул на курсе, его словно пьяного повело в сторону от генерального курса.

– Что такое? – вопрос командующего прозвучал тихо, что не укрыло явные недовольные нотки.

Командир «Цесаревича» капитан 1-го ранга Иванов уже орал в амбушюр переговорного устройства, запрашивая причину неуправляемости судна.

Минутами позже, будто лениво призадумавшись, бронированный утюг начал возвращаться на место.

– На «норд-осте», по всей видимости, главный броненосный отряд Того. Пересекают наш курс! – спустя пятнадцать минут доводил свои соображения Матусевич, лишь слегка выдавая волнение в голосе. – Идут не меньше пятнадцати-шестнадцати узлов. Намерения понятны!

«Нетрудно догадаться, – мысленно соглашался адмирал, – сие по британским рецептам, пользуясь большим ходом, насесть на нашу „голову“, да ещё и против солнца встать».

– Перестроиться в боевой порядок. Противник слева, – несплаванность эскадры не подразумевала со стороны Витгефта каких-либо сложных манёвров.

«Цесаревич» выбросил флажные сигналы, и считавший приказ «Новик» покинул своё авангардное место, встав между «Аскольдом» и «Палладой». Одновременно миноносцы начали переход на правый борт колонны броненосцев, на время перестроения превратившись в разрозненную суетливую стаю.

– С «Ретвизана» подтверждают, что переборки держат воду, – известил младший флаг-офицер.

– Поднять ход ещё на три узла! Иметь тринадцать!

Бронированная колонна чуть растянулась. Ведущий «Цесаревич» кинжальной массой водоизмещения резал море, ни единым вздрогом не реагируя на бьющие в скулу волны, что забрасывали бак брызгами. Самые рьяные из них долетали искрящейся взвесью до носовой башни, грозно повернувшей стволы-хоботы главного калибра на левый крамбол.

– Бой неизбежен, – зачем-то сказал Матусевич, красноречиво взглянув при этом на командующего, словно хотел спросить: «...не будем как-то либо уклоняться, либо маневрировать, дабы оказаться в более выгодной конфигурации, при данном курсе схождения с противником?»

В этот момент Вильгельм Карлович вспоминал «макаровские наставления», где говорилось о глазомере – «хорошем морском глазе» и здравомыслии, что подскажет рациональное решение.

«Как лучше – пойти напролом, как можно быстрее миновав противника? Пусть и под сосредоточенным огнём... Или всё же сподручней встретить тоговскую „палочку над Т“ строем фронта?»

И он ссутулился, скривился лицом, не забывая по прежним выходам в море, насколько топорно маневрирование и управление эскадрой:

«Отвернуть, повернуть... вовсе сломать строй. Когда ещё эти подозрительные миноносцы по курсу...»

Тут «Цесаревич» неожиданно снова потащило в сторону.

В этот раз адмирал не сдерживал своего раздражения, бросив Иванову:

– Капитан первого ранга, извольте разобраться и восстановить управляемость судном!

Флагманский броненосец выкатывался из строя, и следующие за ним корабли были вынуждены стопорить ход. Строй смешался, общая скорость эскадры упала.

Оглянувшись, Витгефт увидел, как «Ретвизан» принял влево, «Победа» уклонилась вправо, «Пересвет» соответственно отвернул на румб левее. До «Севастополя» и «Полтавы» эта «ёлочка» не докатилась просто из-за того, что они немного отставали, успев замедлиться.

Всё это безобразие длилось несколько минут, ровно до того момента, когда флагман снова занял своё место.

Однако конвульсии по русской колонне продолжались! Теперь завияла «Победа».

– Это чёрт знает что! – всегда деликатный Витгефт добавил ещё пару забористых, исключительно морских выражений. Переведя взгляд в сторону прущего на пересечку противника (пока, слава богу, далёкого), адмирал задался вопросом, обращаясь ко всем офицерам штаба:

– Как думаете, они видят нашу неуправляемость и беспомощность в манёвре? Сейчас бы им в самую пору резко сократить дистанцию и...

– Далеко. Возможно, не замечают, – предположил Матусевич и указал рукой по курсу эскадры, где сновали миноносцы противника, – а вот с этих нашу сумятицу однозначно заметили. И «маркони» докладывают, что «частят передачей» пронырливые! Забить эфир?

Впрочем, предложение прозвучало неуверенно, понимая, что поздно – все, что надо, уже передано. К тому же строй эскадры восстановился. «Победа» вернулась на место.

Общий ход снова пошёл вверх, достигнув тринадцати узлов.

– Да! Это «первый» – главный – отряд Того в составе основных броненосных сил! – громко доложил младший флаг-офицер мичман Эллис. – Головным, судя по всему, «Микаса». И... они отворачивают!

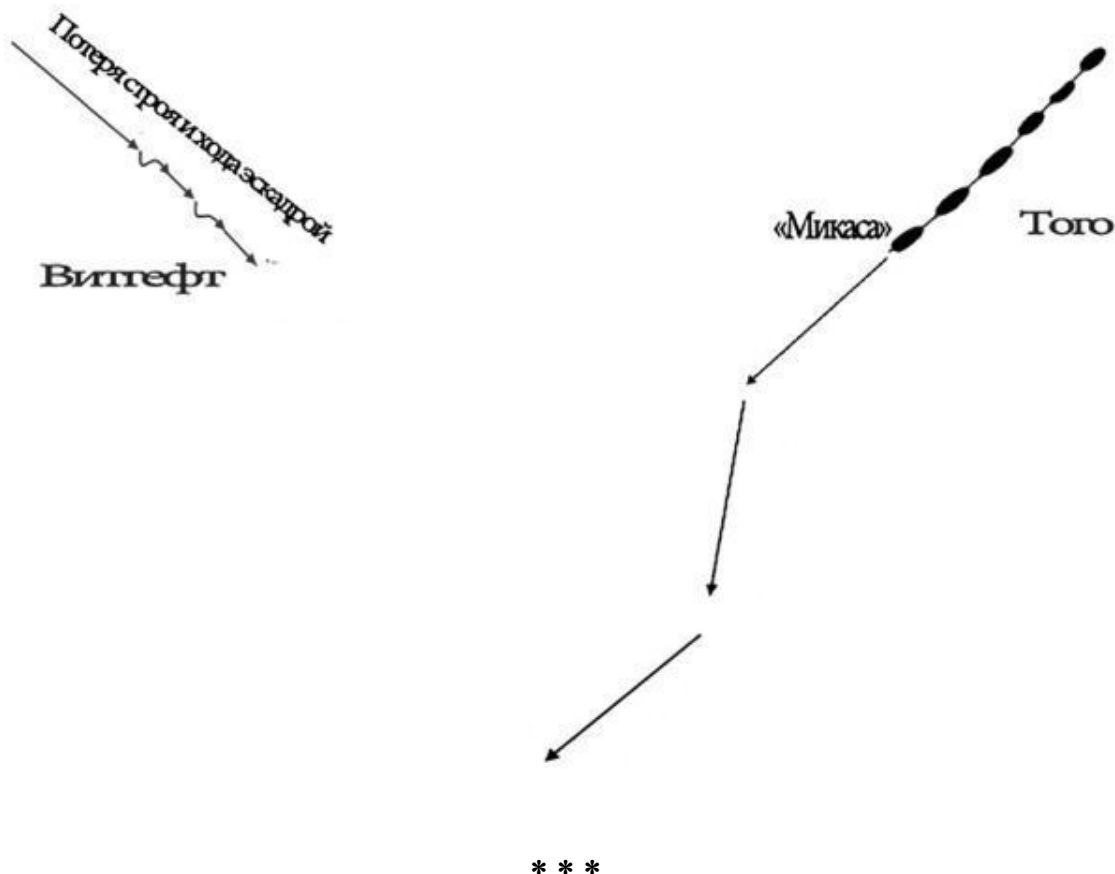
– Как отворачивают?!

Все вооружённые биноклями офицеры как один подняли их к глазам.

– Действительно! Приняли от нас в сторону.

«Глазомер», – снова вспомнил Витгефт, оценивая дистанции, скорости и углы схождения-расхождения, не без удовольствия выразив:

– Либо Того что-то перемудрил со своей «палочкой»... – и подозрительно покосился в сторону курсовой линии – странные эволюции японских миноносцев не давали покоя, – либо заманивает нас. Господа, а не ставят ли мины те паразиты впереди по курсу?

В каждодневной непрехотливости и суровом стоицизме, в традиционной склонности к фатальному взгляду на жизнь... всегда помня (зная), что же для японца и настоящего самурая является высшим смыслом жизни, Хэйхатиро Того неуклонно верил в особое покровительство богов... и саму Судьбу, что в итоге приведёт сынов Ямато к победе.

Сказать «задолго» было бы неправильно... Неправильно, но именно задолго до японо-китайской войны 1894 года и первого личного опыта сражений на море...

...присовокупив к этому опыт в немногочисленных пока морских стычках с русскими...

...еще, будучи кадетом на «Хэмпшире»¹, будущий адмирал Хэйхатиро с неувимым и присущим японцам презрением ко всему варварскому, так или иначе, вполне принимал практицизм и прагматизм западной военно-морской концепции, как и видел её очевидные недостатки. Например то, что корабельная артиллерия несёт в себе слишком малую мощь для скорого уничтожения боевого корабля противника.

Пожалуй, только одно оружие, придуманное материалистами-европейцами, вписывалось в самурайский эталон искусства войны и соответствовало японскому духу...

Это самодвижущиеся мины Уайтхеда, которые в своём боевом применении подобны стремительному колющему удару катаны, так удачно поразившие вражеские корабли на рейде Порт-Артура.

Это в том числе минные банки, на которых гайдзины получали неожиданную невидимую подводную смерть, а потонувший «Петропавловск» унёс с собой особенно опасного противника – адмирала Макарова.

¹ Проходя морское обучение в Англии, Того в том числе совершил кругосветное путешествие на британском крейсере «Хэмпшир».

Впрочем, эффективность минных постановок подтверждалась обратным ходом – в «Чёрный день» японского флота, когда коварный враг ответил тем же и два великолепных броненосца были потеряны².

Поэтому уповать только на «решительный артиллерийский» бой с вышедшей на прорыв эскадрой Витгефта командующий Объединённым флотом посчитал недостаточным. Мины заграждения, сброшенные без якорей на курсе русской эскадры, были ставкой на удачу... впрочем, как и многое, многое на войне. Шанс, что хоть один корабль артурской эскадры наскочит на мину, несомненно, имелся.

Трезвая оценка вероятностей оставляла всё на волю богов, и Того, за полнейшей невозмутимостью, хранимой на лице, в том числе исключительно для подчинённых, скрывал постыдную надежду, ожидая, что всё пойдёт по плану, что русские последуют в незатейливую ловушку.

Стоит сказать, что, невзирая на заявленную воинственность командующего японским флотом, в большей степени Хэйхатиго всё же хотелось избежать серьёзной схватки. Поэтому Того приказал пока держать дистанцию – отвернуть колонну на три румба влево, надеясь, что нерешительный русский адмирал, как уже однажды случилось, снова испугается и с обречённостью повернёт обратно в Порт-Артур, под снаряды осадной артиллерии генерала Ноги.

Тем самым это позволит уберечь японский флот от неминуемых в бою повреждений. Избавит от потерь в личном составе.

В любом случае сберегается ресурс машин и оружия, которые понадобятся, когда враг приведёт новые корабли с Балтики. Кстати, при совершенно непредсказуемой занозе во всех оперативных раскладах – Рождественском.

Громкий крик сигнальщика предвосхитил то, что и сам адмирал сумел увидеть – головной броненосец противника чуть показал свой профиль. Отворачивают?

«Да! Так и есть!»

Командующий Объединённым флотом выдал свою досаду лишь ещё больше сузившимися глазами и шевелением губ, бормочущих проклятья.

Три десятка разбросанных плавучих мин – впустую! Их теперь разнесёт течениями и волнами по морю – неожиданный смертельный привет для случайных судов (а случайных тут ходит немного).

Теперь всё манёвренное «заигрывание» перед противником оказывалось бессмысленным, и следовало срочно совершить разворот, снова выводя эскадру на выгодную конфигурацию боя.

Русские вопреки надеждам не отвернули совсем.

«Значит, Витгефт, несмотря ни на что, намерен пробиваться! Значит, серьёзной баталии не избежать», – Того всё ещё сохранял невозмутимость.

* * *

Завязка боя почти до мелочей напоминала известный из несостоявшейся истории так называемый «Бой в Жёлтом море», за датой 10 августа (28 июля по старому стилю) 1904 года.

И ничего, что на два месяца сместился график и на дворе уж октябрь... К началу которого японский флот лишился пары зубов – «Адзумы», «Нанивы», да ещё одного у далёких чукотских берегов – «Акаси».

² 2 мая 1904 года (по старому стилю) императорский флот Японии понес самый тяжелый урон в русско-японской войне – броненосцы «Хацусе» и «Ясима» наскочили на якорные мины, выставленные минным транспортом «Амур».

Чуть больше поизносили машины у более активно эксплуатируемых японских кораблей... Обросли ракушкой днища, что возможно, аукнется некоторым потерей лишнего узла полного хода. Впрочем, обстоятельства и условия, несмотря на двухмесячную с небольшим отсрочку практически не изменились. Не изменились и действующие лица.

Да и вообще, как уже было однажды подмечено «заинтересантами в теме», история (или реальность) обладает некой формой предопределённости, она консистентна, тягуча и не склонна так легко поддаваться на изменения. А если где и прогнулась под предвзятым давлением, норовит упрямо отыграть назад.

Для них там, в Петербурге, и непосредственно для Авелана «Бой в Жёлтом море» глядел с бумаг распечатанной хроникой, стрелками и условными значками, дополнительным анализом (с учётом накопившихся изменений) и даже вариативностью.

И понятно и логично, что ему – радеющему начальнику Морского министерства – хотелось переиграть... а точнее подыграть Витгефту.

Но и поднывало у Фёдора Карловича сомнениями и опаской: «а ну как там – на востоке, да в открытом море всё уж по-другому... и командующему на месте уж наверняка виднее, а он (Авелан) своими советами-инструкциями только порушит весь задел».

Ведь несмотря на всю тиражируемую Витгефтом флотоводческую посредственность, всю его «осторожность с перегибом», сумел же он провести первую фазу боя почти идеально, выиграв у хвалёного «мастера» Того как минимум по очкам.

Поэтому препроводительные шифрограммы с наставлениями командующему 1-й Тихоокеанской эскадрой были даны по ключевым вопросам – как экстракт. Оставляя их реализацию на откуп, возможно и сомнительному, но предопределённому витгефтскому «как поведу, так и будет»³.

* * *

На мостике «Цесаревича», даже с учётом подозрения, что миноносцы противника готовят некую пакость, странным курсовым изменениям 1-го отряда Того объяснения не находили. Количество боевых единиц противника было известно и уже непосредственно с 90 кабельтовых посчитано.

И нетрудно было догадаться, что к четырём броненосцам присоединились крейсера «Ниссин» и «Касуга».

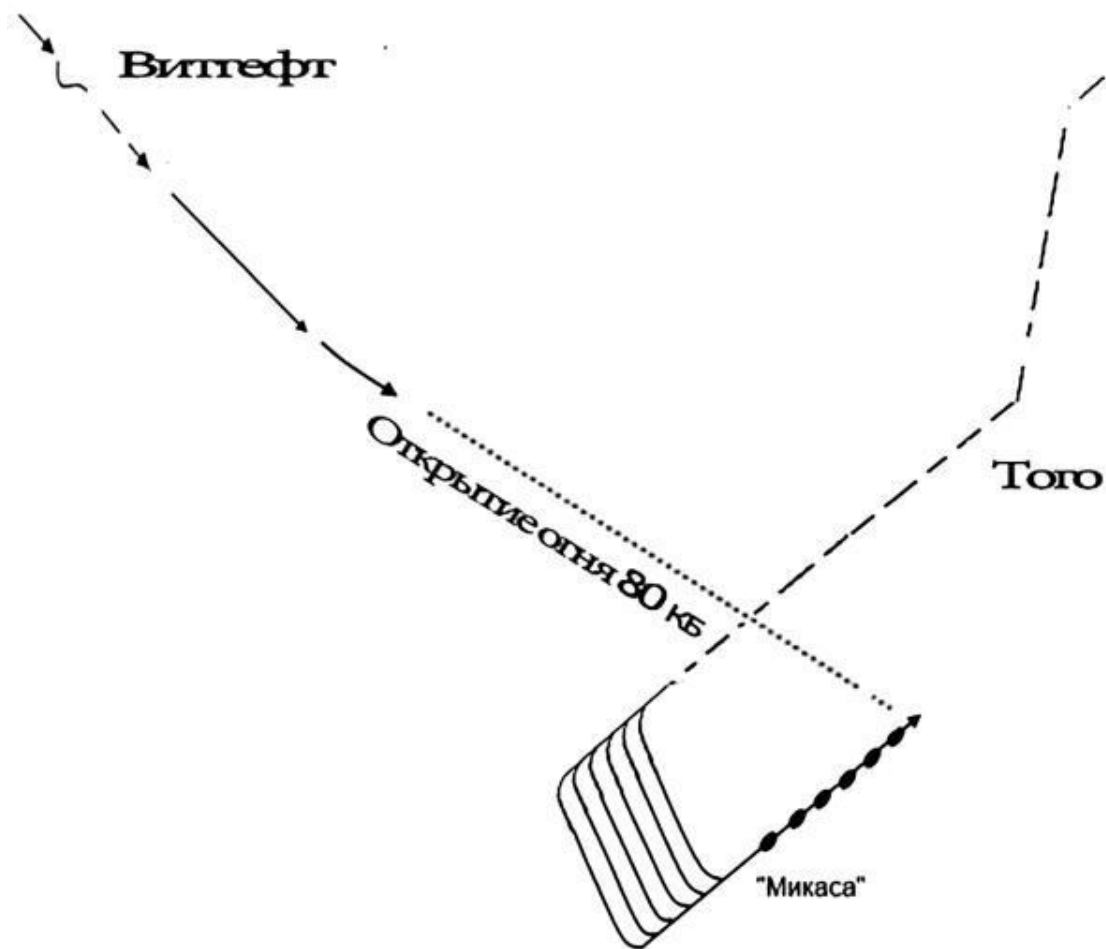
Фактически японская колонна, сделав небольшое уклонение, всё же пересекла генеральный курс русской эскадры, а дальше...

А далее пошли тягучие танцы с бубнами на воде. Где «бубнами» выступали орудия главного, а затем и среднего калибра. А «танцевали» две эскадры, да на подтанцовках неподалёку крутились пара японских крейсерских отрядов и россыпи миноносцев, исчертив пространство боя пенными полосами – кильватерными прямыми... кривыми... координатными...

Витгефт монументально, совсем незаметно сутулясь, стоял у леерного ограждения, подставив лицо ветру. Ветер запустил свою лапу в бороду адмирала, но лишь слегка тербил короткие, побитые сединой волосы.

Оптика позволяла увидеть, как вытянутые профили вражеских кораблей стали одновременно точно скукоживаться...

³ Имеется в виду ответ Витгефта на вопрос командира «Севастополя» Н. О. Эссена: «Как он (командующий) поведёт бой?»

– Створятся! – взволнованно заметил это изменение в строе японцев младший флаг-офицер. – Противник совершил поворот «все вдруг»!

– Ну те-с, господа, – естественно, Витгефт тоже следил за чужими эволюциями, – что уж сказать, весьма филигранный разворот. А мы столь слаженно смогли бы?

Вопрос если и не был риторическим, то стал таковым, так как офицеры походного штаба воздержались от ответа. Смущённо или тактично – понимали, что без должной практики скорее «нет», чем «да».

– Не нравятся мне эти миноносные движения, – так и не дождавшись ответа, проворчал адмирал, – командуйте склонить курс к осту.

Плавно (не до резких приёмов)... последовательно (а так и задумывалось), буравя кильватер впередиидущего мателота, русские корабли один за другим повлекло влево.

К тому моменту, по приказу командующего, шустрый «Новик» опять забежал вперёд и теперь с него частили-семафорили, что якобы наблюдают нечто плавающее на волнах. Ожидаемые мины?

Японские корабли успели развернуться и снова выстроили колонну, теперь следуя практически параллельно эскадре Витгефта.

В среднем дистанция между эскадрами составляла семьдесят-восемьдесят кабельтовых. С этого предела японцы и открыли огонь.

Русские ответили.

* * *

– С «Полтавы» семафорят «двенадцатидюймовая бомба попала в корму!» – известил адмирала начальник штаба. – Снаряд не разорвался, но имеются затопления в отсеках! Вильгельм Карлович, пора в рубку.

– Попали? С восьмидесяти кабельтовых? Невероятно! Это случайность...

– Ваше превосходительство! Приказ государя – увести вас в рубку на время боя, – переходя на официоз, напомнил Матусевич. – Пошто мы дополнительно её блиндировали, чтобы вам тут сгинуть от шального снаряда?

И видя, что упрямый адмирал никак не реагирует, в сердцах нажал:

– Побойтесь Бога! Мы с вами пожили... – Матусевич кивнул на младший состав, что необходимо находился при штабе командующего, – но зачем молодых подвергать-то?..

Очередной пенный всплеск вздыбился совсем недалеко от борта броненосца. Ветер донёс противный горелый запах и мелкие единичные капли, доставшие до замершего у ограждения мостика Витгефта. Вцепившись руками в леерную перекладину, он провожал взглядом оседающий водяной колосс – казалось, эта недолетевшая смерть имеет какую-то притягательность, будто влечёт его.

«Николай Александрович прав. Я в этот раз готов принять на себя всю ответственность, вплоть до... Но эти... мальчики – совсем безусый сигнальщик и мичман Эллис... я не должен их тащить за собой».

Отыскав взглядом вестового, Вильгельм Карлович попросил того сходить к нему в каюту:

– Там на письменном столике портрет моей жены. Принесите, голубчик, его в рубку. И мы, господа, между тем туда же, в рубку, пожалуй, и спустимся. Негоже не выполнить приказ государя.

Однако спешить не стал, немного задержавшись, ещё раз зацепившись биноклем за вражескую колонну, озаряемую короткими вспышками и кудловатыми шапками выстрелов... уже без оптики одним прищуром (глазомером) оценив тактическую ситуацию.

Переждав очередной рёв носовых двенадцатидюймовок «Цесаревича», он промолвил:

– Командуйте поворот через... – запнулся, перегадал, поправился: – Приготовиться к повороту... к бою на левый борт.

Через пятнадцать минут русская эскадра повернула к югу на восемь румбов.

Флагман уверенно резал воду, подрывая таранным форштевнем шипящий бурон.

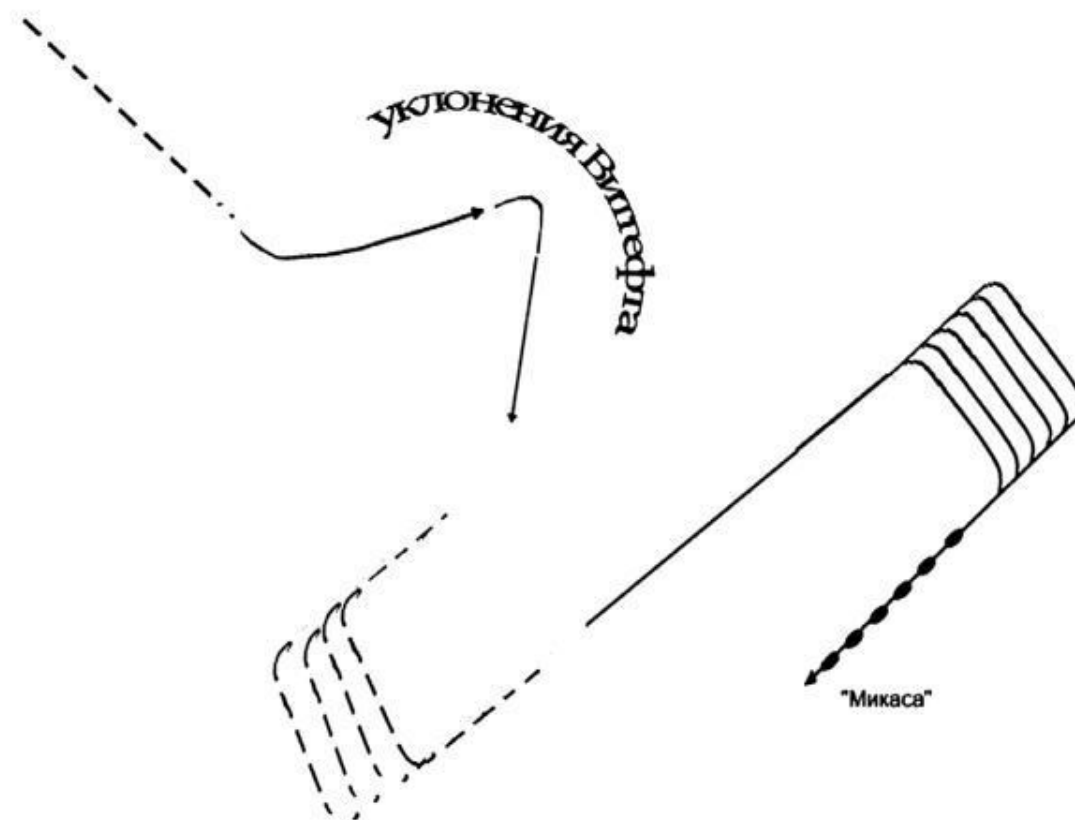
На смене галсов туда-сюда по ветру мотыляло флаги – боевые на стенах, сигнальные на фалах. Дымы, обильно валящие из труб, стелило то в корму, то в бок, то в сторону бака, на чих и чертыхания сигнальщиков... на чертыхание командующего, когда застилало обзор и в носу першило угольной гарью.

Периодически гремело главным калибром. Периодически падали чужие снаряды, поднимая грязно-белые водяные фонтаны – не близкие, не далёкие... донося до ноздрей вонючку-шимозу.

Японцы отреагировали очередным «все вдруг».

В целом общий рисунок эскадренных эволюций был не замысловатым, но содержательным: Того, «гарцуя» на шестнадцати узлах, пытался охватить голову русской эскадры.

Витгефт (всё же несмотря на основной приказ из Санкт-Петербурга «дать бой») всячески уклонялся, «работая» на разрыв дистанции, «сберегая корабли», здраво считая, что на больших расстояниях меньше будет повреждений.

В итоге после резких витгефтовских зигзагов на ост, на зюйд и снова на восточные румбы... и тоговских отыгрываний две колонны наконец сошлись на сорока-пятидесяти кабельтовых, что давало доступную уверенность стрельбы уже и из шестидюймовок.

Пусть накоротке! Пусть и ненадолго!

Выходило, что при суммарной скорости обеих эскадр – это всего... всего лишь девять минут уверенного короткодистанционного огневого контакта!

Одно в утешение – стычка происходила не в самых выгодных для японцев контркурсах, на которых русские комендоры стреляли лучше.

Волоча угольные шлейфы, две встречные колонны частили посверками выстрелов, окутывались пороховыми газами, озарялись редкими вспышками первых попаданий посреди взбесившегося недолётными всплесками моря.

За короткие и одновременно длинные девять минут жизнь всех причастных оказалась неожиданно насыщенной – грохотом орудий, ором команд, проклятьями и матом, работой мысли и мышечными напряжениями.

Потели, лоснились кочегарские спины, выкашливали пороховые газы комендорские глотки, белели костяшками офицерские пальцы, сжимавшие в избыточных объятиях «цейсы»!

Боевые расчёты башен и батарей развивали предельную скорострельность, спеша нанести как можно больший урон противнику.

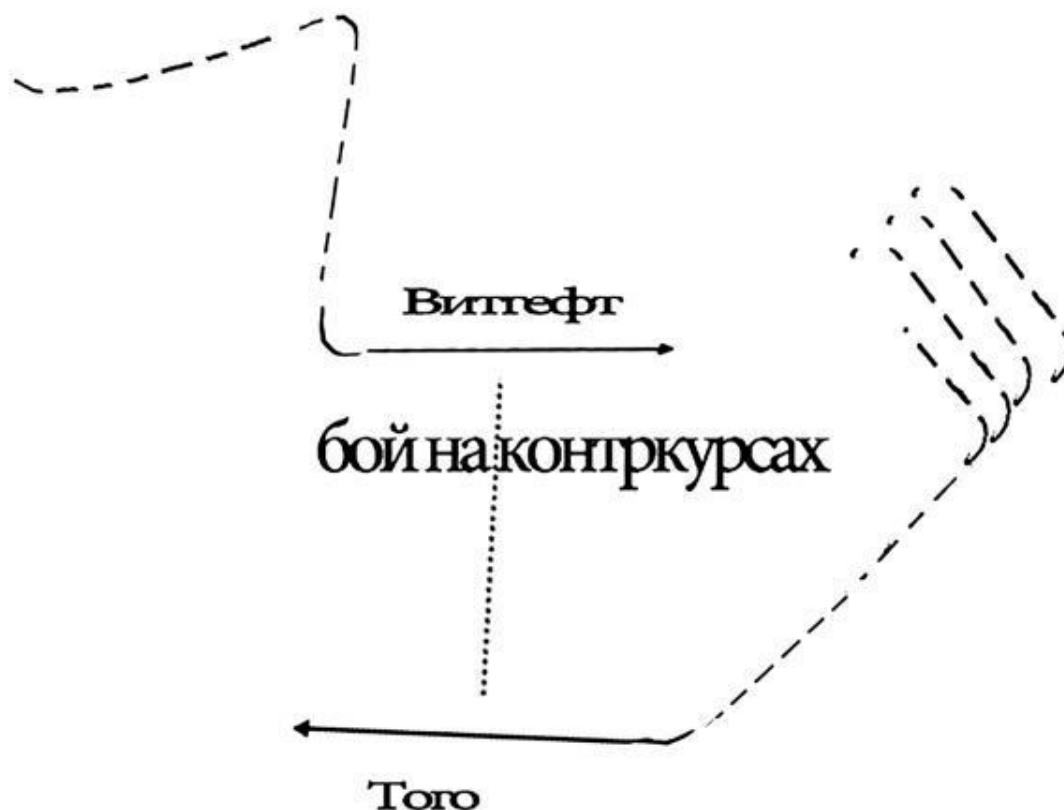
Правда, сблизиться даже на сорок кабельтовых – четыре мили (почти семь километров) – это тебе не на прямой... не на «пистолетный» выстрел выйти!

Да и не всё что в запале, остервенении, на издыхании слалось во врага, долетало, попадало, поражало... иначе говоря – являло положительный статистический процент.

Могло быть и хуже...

Рубка «Цесаревича», да ещё и дополнительно заблиндированная, конечно же не давала тот необходимый обзор, что был необходим Витгефту, переживавшему о своей неопытности

водить «вживую» эскадры. Адмирал, казалось, до сего момента наблюдавший за боем с пассивной безучастностью, подался вперёд к обзорной прорези, боясь пропустить, упустить нить событий.

Отличить отдачу орудий и встряску железного левиафана-броненосца от попадания вражеского снаряда практически было невозможно. Только доклад в повышенных тонах, почти в крике (невольном и понятном в грохоте орудий) флаг-офицера извещал – в них попали!

– Возгорание на спардеке!

И взведённый пружиной доклад сигнальной вахты:

– Наблюаю пожар на «Пересвете»!

И радостный противовес:

– Взрыв на «Микасе»!

Стреляли как могли, не лучше и не хуже, нежели там, в неведомой им реально-нереальной истории.

И не суть, что шестидюймовки за неэффективностью этого калибра по толстокожим броненосцам теперь не частили по «Микасе» и другим его «английским товарищам»⁴. Нет-нет, да и всё равно постреливали!

Не было теперь такого ярко выраженного нажима на японский флагман главным калибром, рассредоточив огонь десяти- и двенадцатидюймовок на все четыре вражеских броненосца.

Что характерно, это не изменило особо статистику (и случайность!) попаданий – просто теперь не мешали друг другу, сбивая пристрелку всплесками мателотов. Придерживались, как

⁴ Все четыре японских броненосца – «Микаса», «Асахи», «Фудзи», «Сикисима» – выходцы с английских верфей.

минимум старались, определённой системы: пристрелявшись на схождение по «Микасе», русский флагман сигнализировал на идущий следом мателот все выработанные данные по дистанции и углу наводки.

Пройдя траверз первой мишени, продолжая ещё достреливать из кормовых орудий – «достать самого Того», старший артиллерийский офицер «Цесаревича» уже нащупывал, вводил в приоритет своих орудий следующего в японской линии – «Асахи».

Затем «Ретвизан» и следом очередной вступающий на место корабль колонны принимал эстафету, выцеливая уже без грубой пристрелки и куда как точнее.

Не всё проходило, как бы оно хотелось, как было на репетиции, но маленькие удачи стали накапливаться буквально с первых минут этой скоротечной девятиминутной сшибки на контргалсах.

«Цесаревич» уже сам успел схлопотать не меньше пяти снарядов.

Бледный Витгефт на каждый ответный залп носовой башни размеренно постукивал по рубочной обшивке, не замечая боли в крепко сжатом кулаке, костеря плохой обзор, выглядывая силуэты японских кораблей, всё дожидаясь – не взметнётся ли столб дыма, не полыхнёт ли удачным попаданием.

И всё казалось, что свои комендоры не достают, недопопадают, не дотягивают до скорострельности и точности проклятых узкоглазых! «Эх... без навыков и тренировок за время стоянки на внутреннем рейде Артура многому не научишься! И слишком быстро всё происходит... и слишком скоро в прицелах уже следующий во вражеской линии!»

«Цесаревич» уже прошёл траверс четвёртого в строю японского броненосца, когда адмирал дождался вожаемого и явного результата своего огня – кормовой мостик «Сикисимы» окутался дымом и оранжевыми языками пламени.

«Попали, черти!» – восхитился.

И тут же донёсся радостный довесок от сигнальщиков, углядевших:

– Видим взрыв на «Фудзи»!

Следующими за полыхнувшим пожаром «Сикисимой» в японской колонне шли броненосные крейсера.

«Вот они, крейсера-„итальянцы“ – это доступная добыча, коей при удаче можно причинить немало вреда, поразит под дых двенадцати дюймовым! Кто там первым – „Ниссин“ или „Касуга“?»

– «Касуга», – известил вооружённый зрительной трубой Матусевич, словно услышал немой вопрос командующего, – у него носовая одноорудийка.

– Всем бортовым залпом, – негромко приказал Витгефт, словно боясь спугнуть накатывающий на линию огня крейсер, – прямо по «Касуге» – пальба!

Практически без каких-либо пауз орудия перенесли огонь на новую цель. Кроме, пожалуй, кормовой башни, ещё досылающей на отходе по «Сикисиме». И японский крейсер буквально скрылся во всплесках. Вдобавок к обстрелу подключился «Ретвизан», жажнув носовыми.

– Смотрите!..

На мгновение, выйдя из-под накрытий, «итальянец» показал свой изъеденный снарядами борт. Но не это так обрадовало сигнальщика – уродливо торчащий огрызок ствола носовой башни, которая курилась дымом, и покосившаяся единственная мачта, угрожавшая вот-вот завалиться... Крейсер рыскнул влево, по всем признакам сбросив ход, выходя из строя, тем самым и из-под накрытий, сбивая пристрелку.

Впрочем, при всём желании старарт уже выкрикивал:

– Переносим огонь на следующий в линии!

«Ниссин», с которого увидели проблему на «впередидущем», вынужденно покатился вправо, опасаясь вскоре столкнуться с мателотом, тем самым сближаясь с русским строем... и будто по случайности налетел на серию недолётов!

Досадно, что шестидюймовок...

Заплясавший на шканцах пожар вызвал громкое «ура», докатившееся эхом до машинных и кочегарских внутренностей флагманского броненосца!

А между тем «Цесаревич» уже практически покинул сектор для оптимальной стрельбы. Ещё лаяла редким рыком кормовая башня, но капитан 1 ранга Иванов приказал «задробить», не без досады мотивируя:

– Только снаряды разбрасывать попусту.

Там, по корме, позади флагмана, эстафету по «итальянцам» приняли «Севастополь» и «Полтава». В том числе зацепились... сцепились в драке концевые крейсера, издалека, мелко и осторожно покусывая подранков.

* * *

Сейчас, на данный горячительный момент, когда надежда отделаться «малой кровью» истекала этой самой кровью, Хэйхатиго Того предпочёл традиционным японским проклятиям скупую английскую брань, которую неизбежно подцепил в кадетские годы, как... как неприличную болезнь в одном из борделей Портсмута.

Чужеродные слова не вышли дальше гортани, застряв где-то за кадыком, не уронив достоинства перед подчинёнными, не покоробив слух сэра Уильяма Пэкинхема отвратительным акцентом, который всегда появлялся у Хэйхатиго в гневе.

А гневаться было от чего.

Несмотря на всю выучку и упорство... как бы ни безупречно маневрировал 1-й броненосный отряд, «белый варвар» – адмирал Витгефт, который (что уж тут говорить) не воспринимался как достойный противник, который управлял своей эскадрой в самой элементарной, едва ли не топорной манере, совершенно непостижимым образом сумел сохранить неуязвимые и выгодные позиции.

Девять же последних минут на встречных курсах для Того оказались неприятным открытием – русские последовательно прошли по его бронированной колонне весьма точным и чувствительным огнём... никого не обделив.

На контркурсе «белый» адмирал его не только обыграл, а уходил в разрыв дистанции. И теперь всё надо было начинать сначала.

Понимая необходимость как можно быстрее совершать очередной эскадренный разворот и бросаться вдогон, Того всё же не удержался и приказал склониться на два румба вправо, рассчитывая потрепать хвост колонны противника, где ютились бронепалубники.

Их быстро и удачно накрыли – эти «худосочные» концевые крейсера (хоть дистанция и была весьма велика), вынудив круто отвернуть и на полном ходу уходить из-под обстрела. А Хэйхатиго не без удовольствия отметил, как дважды был поражён крейсер «Аскольд», у которого слетела одна из труб после метких выстрелов «Сикисимы».

Мстительное удовлетворение длилось недолго!

Дым застилал обзор с флагмана на концевые корабли колонны, поэтому сигналы, поднятые на мачте «Ниссин», разобрали не сразу. Принимая надлежащие доклады от командиров о повреждениях, полученных в ходе боестолкновения, до командующего Объединённым флотом, наконец, по цепочке добралось сообщение о бедственном положении крейсера «Касуга».

На сигнальных фалах «Микасы» немедленно взвился приказ: «К исполнению поворот на ост все вдруг!»

Недавний боевой цейтнот прошёл, в свою очередь и Витгефт затребовал сводку по ущербу от огня неприятеля.

В отличие от японского оппонента, что творится в хвосте его колонны, Вильгельм Карлович вполне доступно мог наблюдать. Видел отставший японский броненосный крейсер... Заметил, как в понятном и закономерном желании добить повреждённый вражеский корабль сбавили ход два концевых броненосца его эскадры. Разглядел вдалеке неуловимое изменение линейной конфигурации основного отряда Того, уже начавшего свой манёвр на разворот.

– Закрепить бы дело, – Матусевич чувствовал колебания командующего, предложив с вороватым энтузиазмом: – утопить бы итальянского басурманина. А?..

– «Севастополю» и «Полтаве» занять место в строю, – Витгефт был непреклонен, – не успеют добить. Провозятся, а потом опять не успеют, но уже присоединиться к нам. Тихоходы. А неприятель будет на хвосте и...

Его прервал громкий крик сигнальной вахты:

– Есть! Влепили!

Над японским крейсером вился пар и языки пламени на юте. Медленно, лениво повалил чёрный дым.

– Да неужто продырявили супостату котлы?! Ход-то теряет, кажись!

– Не тонет?

– Никак нет.

– Ваше превосходительство! Сигналят с «Севастополя»: «Просим поддержать минной атакой!»

– Решайтесь, Вильгельм Карлович! – Искусителем вился начальник штаба. – Такой момент. «Старички» наши пусть потихоньку отходят, поддерживая огнём. А миноноски, коль задачу выполнят, от «утюгов» Того завсегда удрать успеют. Второй отряд там как раз недалече!

Матусевич хотел ещё добавить, что «надо только быстро решать, немедленно решать...», но Витгефт и сам, по-видимому, это понимал:

– Второму...

Да... второй отряд миноносцев был ближе к противнику, следуя в хвосте первого.

Во второй отряд были переведены все миноноски с изношенными машинами, не держащими заявленный номиналами ход. Витгефт намеревался при необходимых обстоятельствах использовать их лишь единожды – в ночной атаке. И возвращать в Порт-Артур. И теперь считал, что в дневной атаке, когда скорость многое может решить, не только проскочить под огнём противоминной артиллерии, но и на отбеге после дела лучше направить на выполнение задачи более ходкие суда.

– Второму отделению первого отряда миноносцев – атака!

«Слишком сложно, – подумал Матусевич, быстро репетуя команду, – разберут ли сигнал?»

Сигнал разобрали вполне. Только начальник 1-го миноносного отряда капитан 2-го ранга Елисеев решил сам возглавить второе отделение, выведя на удар пять своих судёнышек.

– Ввиду близости и многочисленности противника получившие повреждения и потерявшие ход миноносцы не вызволять! – неслось вдогон распоряжение командующего. – Самоутопить и дожидаться спасения от госпитальной «Монголии».

Сигнал приняли и по-своему поняли на «Аскольде».

Или не поняли.

Выбросив разноцветные флажки, сообщая миноносному отряду о поддержке, крейсер развернулся и, увеличив ход до двадцати узлов, двинул на японцев.

– «Аскольд» присоединился к минной атаке! – немедленно информировали командующего.

Витгефт, глядя в бинокль, и сам увидел, как, подняв белый бурун, красавец-крейсер самоуправным почином контр-адмирала Рейценштейна возглавил атаку миноносков.

Однако не стал препятствовать, проворчав:

– Надеюсь, Рейценштейн знает, что делает.

* * *

Всё-таки русские снаряды что-то сумели сломать в отлаженности действий японских моряков и английских машин, которыми они управляли.

Выполнение эволюции прошло нечётко, «Фудзи» повлекло слишком близко к «Асахи», тот шарахнулся на флагман, едва не протаранив. «Микаса» и вовсе сломал строй.

Взгретые русскими, получившие по пару-тройке «плюх и синяков» угрюмые японские корабли виновато рыскали, пытаясь наладить порядок – выполнение манёвра фатально запаздывало.

Хэйхатиго Того было стыдно перед тактично молчаливым Пэкинхемом.

Застыв каменным лицом, командующий Объединённым флотом даже не оглядывался назад – что там происходит с его броненосными крейсерами. Смотри не смотри, но пока броненосцы не развернутся, пока не подойдут на дистанцию уверенной стрельбы, ничего он поделать не может.

Отряд вице-адмирала Дэва успевал раньше, но четыре бронепалубных крейсера против двух броненосцев аргумент слабый, даже невзирая на приданный в усиление броненосный «Якумо».

* * *

Помощь «итальянцам» запаздывала ровно на те немногие минуты, которые и были нужны Рейценштейну и Елисееву.

Всё действие происходило в течение менее получаса!

Миноносцы быстро и вовремя нагнали «Аскольда», прикрывшись его бортом. В том числе и от беснующегося беглой пальбой «Ниссина». Нормально (теплично) бить тому не давали «Полтава» и «Севастополь», на отходе грохоча в его сторону главным калибром.

Командиру крейсера капитану 1 ранга Такэути и без того хватило одного ранее полученного двенадцатидюймового «чемодана», чтобы понять – участь «Касуги» не исключение.

Прикрыть мателот, не подставляя своё судно под обстрел двух русских броненосцев, было непросто. Поэтому он держался на приличном удалении, постоянно шарахаясь от падающих вокруг снарядов, тем не менее остервенело паля по распластанному силуэту русского крейсера, что прикрывал атаку миноносцев.

Минная атака – это бой накоротке, это на резкой стычке... дневной бросок – и вовсе почитай нахрапом.

Маленькие скоростные кораблики – командиры мичманы и лейтенанты... молодые, отчаянные, лихие. Будущие капризы и адмиралы, чёрт побери! Если дослужатся... ежели выживут!

Минари резали воду, заливаясь бурунными брызгами, разбивая волны, сглатывая ус изпод форштевня их лидера-крейсера. На него команды судёнышек, пожалуй, должны были молиться... когда вокруг сыпались всплески, когда он бедолага вздрагивал, принимая на себя огонь «Касуги», бьющего всем, чем мог дотянуться, особенно опасными шестидюймовками.

Хронометры щёлкнули двадцатиминуткой – наступал момент маленькой убийственной кульминации.

«Аскольд», выжав из машин двадцать два узла, стремительно неся на противника, стеля трубой практически горизонтально, пылая пожаром на шкафуте, в брызгах из-под форштевня, под душем кипящих накрытий, беспрестанно долбя носовым плутонгом.

Флагманский миноносец «Выносливый» (брейд-вымпел Елисеева) резал стальным клювом-форштевнем едва ли не вровень, нос к носу! Четвёрка второго миноносного отряда шла борт о борт – руку протяни!

Когда до подранка оставалось не более пятнадцати кабельтовых, «хищники» выскочили из-под борта крейсера и, рассыпавшись строем фронта, доводя ход до полного возможного, кинулись в атаку.

«Касуга» едва ли держал семиузловый ход, волоча за собой вялые дымы от множественных возгораний, тем не менее продолжая отстреливаться... не очень бойко, но часть орудий ещё были в работе.

Наверное, там, у прицелов-казёнников, их – узкоглазых – потряхивало и лихорадило, должно быть на адреналиновом пике бросало к инстинктам – осознание, что и маленькие суда несут в себе не менее сущную смерть, оставалось за гранью анализа. И стволы, как на магнит, наводились на более крупную цель, уводя прижатые к воде миноносцы в тень внимания, пока те не вышли на ударную прямую.

Миноносцы «летели», даже не пытаясь стрелять из своих погонных пушечек (огневую поддержку обеспечивал «Аскольд»), практически не уклоняясь от вздымающихся фонтанов воды.

Уже на дистанции «в упор» пошёл в циркуляцию «Бесшумный», получив «прямой в нос», секундами погода выбросив флажки «не могу управляться».

Горел «Бурный», проседая на корму, отстрелив мины со слишком большого расстояния.

«Касугой» давно уже управлял кто-то из младших офицеров, после влетевших в рубку «двенадцати дюймов» с «Полтавы», выкосивших подчистую командный состав.

Перед японским офицером стояла дилемма – продолжать отворачивать от наседающих русских или открыть углы для уцелевшей артиллерии и тем самым подставить борт.

Эти его терзания были актуальны ровно до того момента, когда из-под рвущегося вперёд русского крейсера не выскочили «гончие», за минуты сократив дистанцию, овевшись белыми пороховыми зарядами выстрелов мин Уайтхеда.

Две мины добежали пузырящимися дорожками, ударив в борт практически рядом, взметнув у ватерлинии грязный клоч, предсмертно встряхнув крейсер. Когда осели столбы воды, огромную пробоину в борту «Касуги» уже не было видно – быстрый крен спрятал её под водой. Корабль, заглотив тонны воды, стал медленно оседать, неуверенно заваливаясь набок.

Не дожидаясь окончательного результата (хотя и так всё было ясно), русские с деловитым спокойствием вышли из боя.

Три уцелевших миноносца и «Аскольд», выписав циркуляции, быстро уходили в сторону дымов 1-й Тихоокеанской эскадры. Спасать моряков с подбитых миноносцев не стали, поскольку с севера уже приблизились крейсера Дэвы, начав с запредельной дистанции кидать недалётом снаряды. Показались и броненосцы Того, усиленно коптящие, насилующие машины... опоздавшие.

Ближе всех оказалось госпитальное судно, спешащее выволить «своих» из воды. Миноносно-крейсерский отряд разминулся с ним практически на контркурсах.

На палубу «Монголии» высыпал медперсонал и матросы экипажа, приветствуя победителей.

Выбросив в ответ пестрящие сигнальные флаги, миноносцы наконец-то разрядили свои носовые пушки в салюте. Вслед за миноносками прошёл отставший крейсер. На «Аскольд», на первый взгляд, признаться, страшновато было смотреть, однако лишь «на первый» – всё же немецкая постройка несла немалый запас прочности. На нём ещё тушили пожары, матросы по возможности приводили корабль в порядок, заделывая пробоины.

Уже потом, погодя, командир корабля предоставит контр-адмиралу Рейценштейну отчёт о не меньше пятнадцати попаданиях, полученных за время этой атаки.

* * *

От японцев первыми к месту гибели «Касуги» подошли вездесущие миноносцы, рыская, подбирая своих уцелевших матросов.

Всего в четырёх кабельтовых качалась на воде белая с красными крестами на борту госпитальная «Монголия», уже закончившая свои дела.

Спокойный и уравновешенный капитан Измаил Дмитриевич Костюрин-Охотский приказал на всякий случай поднять сигналы «не требуется ли квалифицированная медицинская помощь?»... что, впрочем, осталось без внимания. Не дождавись ответа, развернувшись, пароход взял направление на зюйд-ост.

Вот тут неожиданно один из японских миноносцев, выписав дугу, попытался отжать госпитальное судно с курса. Выглядело это немного, как «моська и слон», даже, несмотря на повёрнутые в сторону «русского» стволы пушек.

По первым минутам Измаил Дмитриевич заколебался перед такой откровенной демонстрацией и уж было хотел отменить распоряжение на увеличение хода. Однако запершился в горле, закашлялся – «Монголия» шла прежним курсом, прибавляя в скорости, и, будто давя массой, вынудил миноносец уйти с дороги.

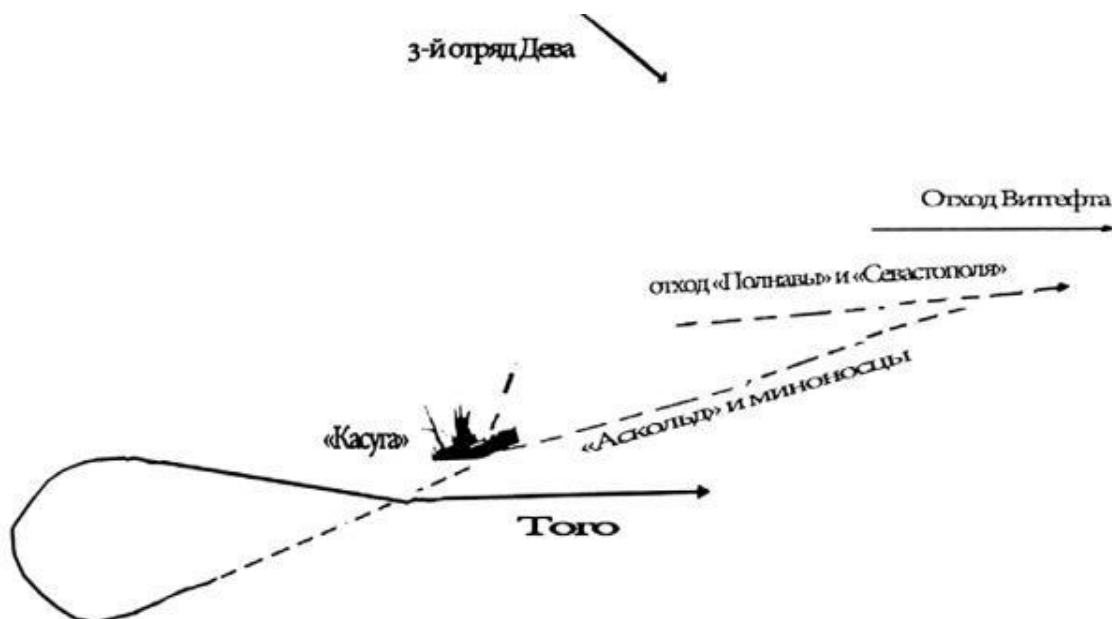
Японцы, выскочив на палубу, размахивали кулаками, кричали проклятия, но что-либо иное сделать не посмели ввиду горбатящихся надстройками броненосцев Того, где находились цивилизованные европейские наблюдатели.

* * *

Сражение агонизировало, растянувшись на несколько миль разными группками кораблей.

Расправившись с броненосным крейсером, русский отряд быстро ретировался – миноносцы, разлив полный ход, вскоре соединились с «Севастополем» и «Полтавой», которые, срезая угол, постепенно на тринадцати узлах догоняли главные силы.

Немного поотставший двадцатиузловый «Аскольд» пока не спешил присоединяться к броненосцам, всё норовили достать с шестидесяти кабельтовых бронепалубники 3-го отряда вице-адмирала Дэва, нарисовавшиеся с северных румбов.

Дэва подтянул более серьёзную артиллерию, несомую броненосным крейсером «Якумо», который с дистанции сорок кабельтовых открыл огонь по концевой «Полтаве».

Броненосец «Полтава» имел ещё довоенную репутацию лучшего (призового) по стрельбе на Тихоокеанской эскадре и с первых же ответных выстрелов кормовой башни накрыл «Якумо», причинив тому существенные повреждения, в том числе в живой силе. Японский крейсер тотчас отвернул, выйдя из соприкосновения.

Первый броненосный отряд Того плёлся позади... медленно, слишком медленно навёрстывая дистанцию, в итоге задробив стрельбу, отклонившись вправо, казалось, и вовсе прекратив на время преследование.

Причина была в том, что Того ненавидел кильватерный (линейный) бой. Его азиатская, вся его японская утончённая (как он сам считал) природа противилась этому – с угрюмой обречённостью встать друг перед другом, орудия против орудий, броня против брони, и тупо бить, бить... и тупо получать, получать! Как в английском боксе... грубом, почти примитивном, где нельзя извернуться, обойти со спины, ударить ногой.

Как ни хотел Хэйхати с ходу взять реванш, ему необходимо было собрать весомые силы. Броненосные крейсера в эскадренном бою теперь виделись несколько слабым звеном, но это была вынужденная мера, иного решения японский адмирал не видел. «Касуга» выбыл,

«Ниссин» получил некоторые повреждения, что уменьшали его боевые возможности. Следовало поставить в линию «Якумо» и, возможно, «Асаму».

Эти меры требовали времени.

А время между тем перевалило за полдень.

Русские целеустремлённо следовали своим курсом.

* * *

Пожар на «Цесаревиче» был практически потушен. На других судах эскадры, где и были возгорания, справились быстрее, лишь на «Победе» ещё что-то дымило без признаков видимого огня и волнений.

Витгефт, приняв у командиров кораблей доклады о повреждениях, только удивлялся благоприятным ответам, так как во время боя эффект, чинимый японскими снарядами, выглядел устрашающим.

Только в «Цесаревич» попало семь снарядов, в «Ретвизан» – чуть больше. Получили по одному – пара «Пересвет» и «Севастополь».

Неразорвавшийся двенадцатидюймовый вызвал затопления нескольких кормовых отделений у «Полтавы», что никак, однако, не повлияло на ход броненосца, уверенно держащего четырнадцать эскадренных узлов.

Пройдясь с начальником штаба по кораблю с целью личного осмотра, Вильгельм Карлович неспрадно полюбопытствовал:

– Что вы думаете по столь слабым разрушениям на наших судах?

– Думаю, что наши воинствующие поэты применяли в большинстве фугасные заряды, кои броню не брали – большой пшик при разрыве, вонючка-шимоза и кучи осколков, а шкуру нашу попортить им не по силам.

– «Воинствующие поэты»? – с удивлением переспросил Вильгельм Карлович и следом же догадался: – А-а-а, вы имеете в виду их национальные трёхстишья-хокку. Занятно...

– Мы же, – продолжал Матусевич, – окромя отправленного на дно крейсера (вот уж благое дело!), со слов сигнальщиков – выбили кормовую башню на «Сикисиме». По докладу Эссена, знатно повредили «Ниссин»... и есть у меня подозрения, что и «Микасу». Иначе бы наш желтолицый визави не стал бы отставать и временить с новой дракой.

Адмирал с тревогой оглянулся в сторону кормы... и дальше, где по горизонту напоздали дымы отставшего противника. Отставшего, но преследующего! Что вновь обострило чувство облавы и неизбежности следующего сражения. Прокашлявшись, промолвил:

– Однако прискорбность того факта, что «японец» стрелял точнее, нежели наши комендоры, неоспорима. Вот и выходят нам боком редкие морские учения.

На траверзе флагмана следовал «Аскольд», представ во всей избитой «красе». На его палубе продолжали сновать фигурки матросов, убирая провисшие растяжки от потерянной трубы, с гиканьем натягивая порванные, бойко грохоча (было прекрасно слышно) молотками по железу, ставя многочисленные латки.

И несмотря на все эти ранения, вытянутый худой корпус крейсера, режущий форштевень и плавными обводами стискивающий его океан, бросался в глаза своей бойцовой стремительностью. Особенно на контрасте с «Цесаревичем», который со своими покатыми лоснящимися боками выглядел, как погрузившаяся в воду туша бегемота, степенно отфыркивающаяся пеной из-под кормы.

Когда миноносцы и крейсер догнали кильватерный строй и на сигнальных фалах затрепетали флажки, извещающие о победе, от корабля к кораблю прокатилось дружное «ура».

Флагман немедленно ответил адмиральским флажным: «Приветствую вас с поражением врага, благодарю командиров, а также команды судов, включительно всех младших офицеров

и нижних чинов, за проявленное умение и доблесть. Государю будет отправлено прошение на предоставление наград отличившихся».

С крейсера какой-то бедовый матросик мигом отсемафорил: «рад стараться!», и было видно, что – рады... стараются!

«Вот барбосы!» – Вильгельм Карлович воодушевлённой странностью почувствовал своё единение с экипажами... приобщение к важному, если не сказать героическому делу. Вместе с тем, ещё раз поглядев на крейсер, покачал головой:

– Неужели стоило бросать крейсер в столь неприятно опасную атаку?

Матусевич неопределённо повёл плечами и постарался развеять сомнения командующего:

– Елисей докладывал, что кабы не поддержка «Аскольда», неизвестно, сколько бы вернулось его судёнышек. И вообще удалась бы атака...

– А ведь если осмыслить, – задумчиво проговорил адмирал, – это новый тактический ход миноносных атак – при поддержке минного же, а и лучше бы хорошо защищенного быстроходного крейсера, выступающего и как контрминоносец, и как огневое, лидирующее и отвлекающее обеспечение. Даже в ночных баталиях. Нет?..

Начальник штаба поплыл лицом, не найдясь, что сказать, а Витгефт снова оглянулся назад, вскинув бинокль – вражьи дымы никуда не делись. Надеялся увидеть светлое пятно – нагоняющую «Монголию», но тщетно:

– Задержал японец наше судно Красного Креста. Неужто арестуют?

На мостике появился вестовой:

– Ваше превосходительство, в кают-компанию просят. Извольте отобедать...

– Да-да, – отреагировал адмирал, отгоняя дурные мысли, – пойдёмте, Николай Александрович, подкрепимся, пока есть короткая оказия.

В кают-компании деловито стучали вилки, ножи.

Несмотря доставленный урон противнику и малые собственные потери (что, естественно, вызывало оживление, крепя веру в успех), никто не сомневался в скорой новой стычке с неприятелем. А потому жевали усердно, будто принимая топливо и боеприпасы, стараясь побыстрее «заправиться»... Впрочем, с удовольствием не брезгуя вином и негромкими тостами за удачу и победу.

Вильгельм Карлович как обычно вкушал степенно, молчаливо слушая переговаривающихся офицеров. В конце концов, испросив у сменившегося на вахте флагманского штурмана лейтенанта Азарьева: «Дымы Того по прежнему на северо-западе?» – и получив утвердительный ответ, решил превратить застолье в маленькое короткое совещание штаба.

– Как, думаете, будут развиваться действия противника, господа?

– Догонит. Вступит в бой на курсе. Обгонит. Завернёт закорючку свою излюбленную, охватывая голову, – отложив вилку, рублено, словно дожёвывая, изложил свою версию Матусевич.

– Наши действия? – Оглядел офицеров Витгефт, включая младших, призывая высказаться и их.

– Придерживаться прежней тактики, нанося возможный ущерб артиллерией, продолжив уклоняться поворотами от противного, – осторожно предложил мичман Эллис.

– Того уже по второму, третьему кряду разу не проведёшь, теперь морда самурайская будет учитывать наши манёвренные ответы, – засомневался Матусевич, – прежнюю ошибку не допустит.

– А ежели он просто будет биться строй на строй, в кильватерных линиях?

– В этом случае, да и в любом, своими четырьмя броненосцами супротив наших шести ему придётся опять поставить крейсера в линию, – вмешался Азарьев, – несмотря на то, что один раз его уже проучили. Проучим ещё...

– Не может он не воспользоваться преимуществом хода... полезет на охват, – покачал головой Витгефт.

Услышав семикратный удар судового колокола, адмирал достал из кармашка собственный хронометр, сверив время, и, пробормотав себе «вот уж и день за половину перевалил», выдал громче – для всех:

– А если японец на сближение пойдёт, поскольку не добился результатов на дистанциях? Не стоит ли нам тогда плавно уклоняться? Дабы уберечь корабли от сильного огневого воздействия, серьёзных повреждений по корпусу и, главное, сохраняя мелкую артиллерию, которая нам понадобится от ночных атак миноносцев. Тем самым дождавшись ночи, мы ложными поворотами и удержанием высокой скорости оторвёмся от неприятеля.

– Уклоняться – сие будет нежелательно – отгеснит нас с курса... – как можно авторитетней заявил Матусевич, тут же расставив на столе из обеденных принадлежностей примерный ход эскадр, задвигал условными манёврами, – а вот если бы нам навстречу поворотом «вдруг» на два-три румба, таранным... Отвернёт японец, как пить дать.

Но если не рисковать, следуя генеральным курсом, то разумею, догнавшего нас врага следует встретить, развернувшись на отходе строем фронта, тем самым подвергая неприятеля огнём всех наших кормовых башен. А там как бог положит!

– На коротких же дистанциях вижу только один плюс, – поёрзав, бросил взгляд на штабиста сомневающийся Витгефт, – господа, вы обратили внимание... хм, заметили, что наши снаряды только булькают всплеском в воду, но не взрываются? И не рикошетируют. В то время как японские дают множество осколков и при ударе вблизи судна.

– Да-да, – подхватил командир «Цесаревича» капитан 1-го ранга Иванов, – от такого огня имеем раненых матросов, занятых тушением пожаров.

– Есть мнение... – Вильгельм Карлович снова подумал о поразительной осведомлённости Петербурга и метких предупреждениях Авелана, – есть мнение, что наши снаряды имеют тугое ударное приспособление, заведомо плохо срабатывающее на дальних расстояниях. Так что сближение с неприятелем повысит процент поражения при попаданиях.

И вдруг недовольно обратился к командиру «Цесаревича»:

– А вы, Николай Михайлович... не подведут ли рулевые механизмы? Того, в понимании, что мы прорываемся, непременно приложит все усилия и будет давить именно на флагманский корабль!

А ежели вдруг «Цесаревич» снова потеряет управление? Сие дурно скажется на всей эскадре и может привести к необратимым последствиям!

В военную косточку подчинение вбито с училищ. И более того! Следование за вожаком заложено в самую суть организации армии, флота, равно как и другой военной структуры, уходя корнями в первобытные времена.

Подрастерявший авторитет своими заявлениями о несклонности и неумении водить эскадры, контр-адмирал Витгефт после удачно проведённого боя теперь в глазах подчинённых честно набирал его обратно.

Покрасневший каперанг вскочил, вытянувшись, позабыв о недоеденном, готовый идти проверять-перепроверять лично!

Милости не последовало (коль вознамерился – иди), но уже менее хмуро командующий вспомнил:

– И ещё я слышал доклад старшего офицера-артиллериста, что в носовой башне совершенно недостаточная вентиляция во время стрельбы. Постарайтесь, пожалуйста, что-нибудь сделать в этом отношении.

«Пожалуйста» прозвучало в ледяных тонах.

Вытянувшееся лицо командира «Цесаревича» выражало: «как можно в море исправить, по сути, заводскую недоработку?»

– Поручите это дело младшим офицерам и комендорам. Народ у нас смекалистый, чего-нибудь придумают, кроме как постоянно менять прислугу, дабы дать ей отдышаться. Губим матросиков.

Поиграв в суровость, Вильгельм Карлович, будучи довольно мягким человеком, всё же немного отступил:

– Простите, Николай Михайлович, но кто как не командир отвечает за вверенное ему судно.

Дверь за Ивановым закрылась в молчаливом внимании, только лейтенант Азарьев, навёрстывая упущенное, позвякивал ложечкой в кофейной чашке.

– Итак, – решил подбить итог Витгефт, – боюсь, что в неславанности эскадры не осилим мы слаженно поворот на противника. Сломаем порядок в кучу малу. Посему будем придерживаться прежней тактики, отклоняясь, но следуя прежним генеральным курсом... даже если с флагманом случится заминка, кою я уже высказал капитану первого ранга Иванову. Сие всенепременно передать по всем кораблям эскадры. Крейсерам и миноносцам, как уже ранее, переходить на правый либо левый борт от броненосцев, под защиту.

Предложение развернуться строем фронта также отвергаю – мало того что скорость хода опустим, так ещё и вовремя последним моментом не успеем перестроиться в кильватер, коль неприятель охватит фланг. Впрочем... Эссен и Успенский сумели показать вполне удачное оперативное взаимодействие силами двух своих тихоходов. Поставим их в хвост крейсерам...

– Но тогда первыми под огнём окажутся откровенно слабые «Пересвет» и «Победа», – весьма бестактно перебил командующего Матусевич.

– Ненадолго, Николай Александрович, ненадолго. Как только Того откроет огонь по нашим «концевым», «Севастополь» и «Полтава» займут своё место в строю и полноценно вступят в бой.

* * *

Когда-то, в своей кадетской молодости Хэйхатири Того считал, что если собрать воедино японский дух и механические достижения Запада, можно достичь любых победных вершин.

В науке крылась необузданная сила. Однако учёные редко давали быстрые ответы, требуя новых данных, исследований и знаний.

Японский мистицизм открывал глаза на все секреты мира.

И всё то время... все годы, особенно те, что прошли в странах западных варваров, только укрепляли в нём убеждение в преимуществе восточного подхода. Преимущество магии японского духа.

Допуская, что логика... человеческая логика она одна – одна на всех, он никогда не забывал прислушиваться к тем исключительным знакам и намёкам, которые подают боги.

И опять, как привык ещё с юношеских лет, Хэйхатири снова обращался к самой сущности понятия «судьба»... В сложные для себя минуты, часы, сам того не желая, строил просветлённые и туманно-претенциозные диалоги, помогавшие ему если не принять правильное решение, не избежать каких-то ошибок, но верить, что это наименьшие из возможных в данной ситуации бед.

В этот раз он будто что-то упустил – вырванный из сна, из давно забытого состояния покоя и постоянного тревожного ожидания, в неизменности и изменчивости ситуаций, едва припоминая собственный выдуманный диалог, что возник в его голове на той короткой грани между пробуждением и сном.

Этот день начался ещё затемно – вестовой растормошил его с донесением, доставленным китайской джонкой: «Сегодня утром русские выходят».

Пробуждение было тяжёлым, и только звенящим отголоском звучали в голове молчаливые вопросы к Великой Богине. А та, вуалируясь мягкостью белокожей гейши, играла в снисходительные иронические ответы:

– Да!.. – Улыбалась.

– Именно поэтому... – Смеялась.

– Конечно!.. – Хохотала.

Вот только не успев ухватить эту призрачную периферию сна, ему становилось совершенно непонятно – что «да», что «поэтому», что в конечном итоге «конечно»!

Ещё два месяца... месяц назад командующий Объединённым флотом был уверен, что его путь ведёт к победному концу, тайно гордясь, что желание и стремление что-то доказать «учителям» было похоронено во внутреннем духовном превосходстве и гордости.

А их покровительственные намёки «не оставить дело без своего присмотра», подкрепленные весомо выжидающей эскадрой в Вэйхайвэе, скорее порождали лишь невнятное чувство унижения, нежели давали сумеречную гарантию благоприятного исхода всей этой рискованной войны с мощной европейской державой. Если вообще верить во всю их хитрую дипломатическую полуложь.

Месяц назад что-то изменилось, надломилось в ткани бытия и времени – он внутренним восприятием почувствовал деформации и треск разрываемых нитей в судьбах отдельных людей и целых стран.

И сейчас в погоне за противником Хэйхатино не покидало ощущение, что это не он, а они – это их корабли надвигаются кормой вперёд с неторопливой двухузловой неумолимостью, и к кому будет применимо слово «рок», в самом трагическом контексте, ещё не решилось.

* * *

Крылья мостиков «Микасы», протянувшись по всей ширине корпуса, позволяют едва ли не заглядывать за борта. Фигура адмирала привычным столбиком замерла на левой стороне... с приличествующим окружением штабных офицеров, вестовых, сигнальщиков.

Командующий Объединённым флотом, всем своим видом выражая невозмутимость и целеустремлённость – в прямой осанке и взгляде на медленно растущие в сетке бинокля абрисы кораблей противника, лишь слегка подёргивал бородкой, кивая на доклад младшего флаг-офицера, явившегося с дешифровкой телеграммы по «Касуге».

– ... Повреждение носовой кочегарки и машины, пробоины в носовой оконечности с затоплениями, приведшие к невозможности поддерживать необходимый ход, что усугубило...

Доклад всё тёк, а командующий принимал, осмысливал данность: «Слабозащищённая оконечность крейсера на двенадцатидюймовые попадания, естественно, не рассчитана... что в итоге в цепи событий привело к его гибели».

– ... Артиллерия перед вражеской минной атакой частично была выбита, включая бездействующие башни главного калибра, – продолжал лейтенант, – основные разрушения нанесены снарядами диаметром не меньше чем в двести пятьдесят четыре миллиметра. Спасти удалось двести двадцать семь членов экипажа, включая одиннадцать офицеров...

«Вот так – почти триста японских моряков отправились на дно... послушать, о чём поют рыбы», – мелькнул в голове совершенно бесстрастный подсчёт, произвольно сдобренный скорбной поэтичностью.

И только сейчас адмирал увидел стоящего в паре шагов британского советника.

«Много ли он успел услышать? Не очень-то приятно расписываться в собственных неудачах».

Хэйхатирос не удержался, чтобы болезненно не поморщиться.

Сэр Уильям Пэкинхем, находясь на эскадре при адмирале монитором и советником, на время боя, не снисходя до формальности и комментариев своих поступков, спустился в рубку... что, впрочем, не давало повода обвинять его в несмелости. Сейчас же он, в боевую паузу, снова взошёл на мостик, строча в своём блокноте вслед за изложением фактов.

«Англичане тренируются и получают опыт за счет наших потерь, – не без неприязни подумал Того о союзниках... и оправдал: – Спору нет – их интересует, как себя показали корабли британской постройки и какова разрушающая сила русских снарядов. Вплоть до того, насколько крепки „итальянцы“ против двух полноценных броненосцев».

– ... Враг потерял два минных быстроходных судна, – между тем следовал тексту докладной телеграммы офицер, – госпитальный пароход после снятия с его борта комбатантов (кроме четырёх тяжелораненых) отпущен.

Того мысленно фыркнул... пренебрежительно и будто ощутив на языке кислое: «Жалкая маленькая месть за целый крейсер. За подобные мелочи Катаока мог бы и не отчитываться. Имея конкретный приказ, несложный в исполнении».

Лейтенант уже зачитывал следующую сводку – собранные и обобщённые видимые повреждения у противника... многие из разряда «предположительных», по вполне понятному желанию выдаваемые за «действительные», и потому Хэйхатирос слушал вполуха, больше концентрируя внимание на реальной вражеской эскадре, заметив там какие-то движения...

И поднял руку, призывая лейтенанта помолчать...

Адмирал до рези, до брызнувших слёзных капелек в глазах всматривался в бинокль, затем потребовал у адъютанта более мощную зрительную трубу.

Нет! Русские не изменили эскадренное построение, лишь концевые броненосцы – те, что расстреляли «Касугу», перешли на траверз впередиидущим мателотам, фактически встав в хвост к лёгкому отряду.

– Они убирают их из линии! – воскликнул адъютант, высказывая ту мысль, что возникла у большинства из наблюдавших за русскими. – В бою с «Касугой» и в последней стычке нам удалось основательно повредить их! Это самое очевидное.

«Так ли это?» – До сего момента Того раздирали сомнения! «Желаемое» и «действительное»?!

Почему-то он рассчитывал на более явные результаты огневого воздействия, при лучшей меткости своих комендоров.

Русские броненосцы хорошо покрывались шапками разрывов от попадания японских снарядов, не менее замечательно горели, однако это никак не сказалось на их ходе и практически никак на средней скорострельности.

В ответ...

Когда и какой калибр прилетал в ответ, Того узнавал по звуку, чувствуя удары в корпус... ощутив, как тычок в основание надстройки, добежав по соединениям железных конструкций, ударил настилом мостика в подошвы ботинок, потряхивая внутренности живота.

«Внутренности живота, ждущие своего благородного сэппуку», – произнеся мысленно подобное, Хэйхатирос удивился – это прозвучало, пожалуй, слишком по-западному.

В конце концов, он даже был готов отпустить русскую эскадру – влиять на основной район боевых действий, привязанный к обречённому Порт-Артуру из далёкого Владивостока, было откровенно затруднительно.

Сохранить свои корабли японский адмирал желал не менее его русских оппонентов, и потерянный корабль как-то не добавлял оптимизма... докладные о полученных повреждениях остальных судов тоже. Слишком дорогое это удовольствие – иметь полноценную боевую эскадру.

Вот только недавний разговор с сэром Уильямом, который недвусмысленно выразил пожелания союзников-кредиторов и «учителей» из адмиралтейства на Темзе, толкал его к грубому столкновению вместо тонкой тактической игры.

Хэйхатирос бросил короткий взгляд в сторону, где стоял дылда-англичанин. Возвышаясь над всеми японцами, он казался ещё более надменным и чопорным, что и без того было при-суще всем альбионцам.

Несмотря на видимые почти приятельские отношения с британским посланником, в общем восприятии адмирал не делал разницы между ним и остальными белыми варварами. И где-то в глубине души верил, что настанет день, когда «ученики» достойно ответят «учителям», сойдясь в бою.

«Только, наверное, это буду уже не я, – промелькнуло в адмиральской голове, не имея в виду чего-то фатального – просто возраст, просто – время! И неожиданно снова почувствовал, как призраком сэппуку заныло в животе, – или это виноват сливовый соус, что был подан на обед?»

Возвращая оптику к глазам, он снова стыковал «желаемое» и «действительное», предполагая в двух броненосцах «подранков».

«Иначе зачем их уводить из боевой линии? Очевидная логика тактики предполагала бы перестроение всей броненосной колонны русских... например, уступом».

«Якумо» уже занял своё место, пристроившись вслед за «Сикисимой», потеснив пострадавший «Ниссин».

А вот «Асама» всё ещё оставался на северных румбах и не поспевал встать в строй.

«Однако далее медлить с атакой нельзя, – не оборачиваясь к подчинённым, Того жестом приказал увеличить ход. – Медлить с атакой – только приближать время, когда солнце уйдёт за горизонт. И русские уйдут... воспользовавшись покровом ночи. Уйдут, несмотря на самый реальный (как он считал) ночной боевой инструмент – многочисленные японские миноносцы».

* * *

Ближе к пяти часам пополудни эскадры находились примерно в пятидесяти милях от восточной оконечности полуострова Шантунг.

Впереди лежало Жёлтое море.

Цепочка японских кораблей заходила с правой раковины русских.

«Микаса» рвался нависнуть на траверс «концевого» вражеской колонны, опознанного как броненосец «Пересвет» и младший флагман неприятельской эскадры.

Орудия молчали.

Того распорядился пока не открывать огонь, боясь спугнуть противника на преждевременное уклонение и маневрирование, намереваясь догнать русских, став на параллели вровень со вторым концевым судном в колонне (судя по всему, броненосцем «Победа»), и уж тогда по ходу движения обрушить на врага башенные и бортовые залпы.

Британский подданный, господин Пэкинхем, ссылаясь на свои проверенные источники, снова забубнил, что эти два «систершипс» несколько уязвимей остальных русских броненосцев, перечисляя слабые места...

Японский командующий вежливо кивал – всё это он уже слышал и не однократно.

Ими займутся последующие мателоты.

Цель – «Цесаревич», на котором держит флаг Витгефт.

* * *

Пространство боя сужалось!

Если взглянуть на происходящее с высоты птичьего полёта – шальным глазом воображаемой чайки...

Или цифровым... с уплывшего в арктические широты беспилотника (кто из сражавшихся ныне помыслил бы о таком)...

Или потом при «разборе полётов» суровыми начальственными взглядами следственной комиссии министерства – на исчерченные линиями и пунктирами движения отрядов...

Было бы видно, что картина боя окончательно приобрела классическую конфигурацию травли.

Убегающие и догоняющие!

Одни рвутся в атаку, другие лишь отбиваются!

Как там на той же комиссии было (будет... и будет ли?) сказано: «Эскадра не сражалась, а терпела бой».

Из Артура – без веры, от отчаяния... отчаявшись, но веря!

И всё же с облегчением: «и наконец... и слава богу!»

Потом воспрям: «Да нешто, братцы... да мы японца... не так уж страшен чёрт и одного уж утопили».

Тогда как души жёлтые напротив уверенность сменили на сомнения... и снова на решимость. В этой решимости – отчаяние целой нации, стеснённой в границах берегов и традиций...

«Тенно Хэйка Банзай!»

Росло, теперь накапливаясь наново, напряжение, кусая губы до крови, вода желваками... глотая, сплёвывая тягучим ожиданием.

Сближались, сходились две эскадры... замирая кровью в жилах, бросая в кровь адреналином.

И назревало пониманием, что серьёзной будет драка... наверное, наверняка на выбывание!

* * *

Уже после полудня обдувало, посвистывало «умеренным», волнуя море до четырёх-пяти баллов.

Стотридцатиметровая туша японского флагмана испытывала мерную продольную качку, иногда ловя отдельную волну, бодая, подбрасывая на полубак брызги, достававшие до мостика.

Дальномерный пост выдал очередное показание дистанции:

– До «концевого» русского тридцать два с половиной кабельтовых!

Башни-орудия ворочались, но не стреляли.

Противник тоже шёл молча.

Несмотря на высокий надводный борт «Пересвета», горбатящийся до кормового мостика, резкое снижение профиля к ютовой части создавало иллюзию, будто броненосец присел на корму, прижался к поверхности моря, изготовившись к бою.

Того видел, как на нём поднялись стеньговые Андреевские флаги, едва уловимо ползли на нужные возвышения стволы орудий.

Носовая башня извернулась на борт под наибольшим возможным углом назад, асинхронно двигая стволами, словно шевелящий усамы жук, взяв на прицел непосредственно «Микасу».

«Будто бы лично меня», – немного с усмешкой подумал Хэйхатино.

В этот момент гайдзины ударили – орудия их кормовой башни, направленные куда-то за корму «Микасы», без пристрелки, дулетом выкинули вспышкой грязно-жёлтый клочок дыма.

Докатился прерывистый раскат.

Снаряды-«чемоданы» зачастую почти видимы, провисая чёрными точками на полубаллистике... но только не в бинокль – в оптику за ними не уследить, и Того просто скопился назад, ожидая результат. И удивился, увидев неожиданно близкие падения у «Фудзи», накрывшие бак корабля брызгами осевших всплесков.

Отвлёкшись, адмирал пропустил момент выстрелов по «Микасе», даже не вздрогнувшему, проглотившему сразу два попадания куда-то в борт, – только белые дымы колыхнулись в районе каземата, тут же унесённые ветром.

– Попадания средним калибром! – донёсся надрывный голос флаг-офицера.

Следующими летели десятидюймовые, прошелестев выше, казалось, что совсем рядом, лишь смертельным дуновением коснувшись щеки адмирала, шлёпнувшись фонтанами за правым бóртом.

Старший артиллерийский офицер японского флагмана отдал приказ на открытие огня самостоятельно.

Бой начался.

Теперь рёв собственных залпов заглушил все иные звуки. На грани понимания Того услышал торопливое предложение сэра Уильяма последовать в более безопасную рубку и даже что-то ответил ему, пытаясь перекричать рывкнувшие носовые орудия.

Англичанин отрицательное дёргание головой понял правильно и с гордым носом кверху удалился вниз.

Того тут же о нём забыл, напряжённо выискивая прорехи в дыму своих же орудий, ожидая, когда можно будет рассмотреть результаты огня.

А как только в паузе между залпами пороховые клубы рассеялись, с мостика «Микасы» к очередному досадному удивлению увидели, как отстоящие навскидку в десять-двенадцать кабельтовых на траверзе русского кильватера якобы повреждённые броненосцы хватко покатились вправо, норовя занять своё прежнее место в колонне.

Манёвр выполнялся почти идеально – попеременно паля башенными залпами, «Севастополь» и «Полтава» споро и одновременно величаво вписывались в кильватерную линию... даже не «просев», соблюдая эскадренную дистанцию между собой и впередиидущими.

Был ли этот незатейливый ход Витгефта удачным? Да чёрт его знает!

Наверное, на мостике «Микасы» вполне бы и оценили разом изменившееся рассредоточение огня в некой выгоде для противника, и некоторое снижение давления на «пересветы».

Всё это уже было отмечено промежду прочим... Того только отмахнулся!

Главной целью ему виделся флагманский корабль противника – чтобы свалить врага, надо его обезглавить, а потому «ход полный»! Продолжать, продолжать опережение русской колонны.

Единственное, что неприятным беспокойством теребило и раздражало японского адмирала – эта парочка громил, уже вкусив «лёгкой крови», в итоге снова окажется против броненосных крейсеров.

Обе эскадры развили максимальную скорострельность. Попадания следовали одно за другим!

В десятках всплесков от недолётов, получая своё, русские корабли окутывались шапками разрывов – слетали стенки, волочился дым, сразу же занимались пожары!

Однако Того уже не питал иллюзий – возгорания тушили, замолкшие орудия вскоре снова начинали «грызть» его корабли.

Подняв ход до пятнадцати узлов, повернув на два румба вправо, Витгефт по-прежнему сохранял выгодный сектор обстрела. А уже через полчаса эскадры бились на дистанции двадцать два кабельтовых, на плавно сходящихся курсах.

В то время как японские головные корабли вели концентрированный огонь по «Цесаревичу»... да ещё основательно перепадало «Пересвету», поскольку на нём развеялся флаг

Ухтомского, сам «Микаса» оказался под жесточайшим обстрелом практически всей русской линии.

В течение тридцати минут в японский флагман встряло более двадцати разнокалиберных снарядов, где пробивая рваные дыры, не детонируя, где оставляя палевые сажей отметины, где штатно и безжалостно куроча, ломая, убивая...

Обе башни «Микасы» были уже не в состоянии вести положенный огонь! Носовая и вовсе прекратила свой «вечный маятник» – вверх-вниз⁵.

Доклады боевых постов... и «добегавшие» сообщения с других кораблей эскадры только подтверждали, что он (Хэйхати) что-то делает не так!

«Что-то не так, да падут на головы гайдзинов демоны!»

Сам Того – стекающие по лицу и куцей бородке капли, в мокром истрёпанном осколками мундире, шипящий на неловкого санитаря, что спешно наматывал проступающий кровью бинт... за спиной услужливый матрос со сбитой адмиральской фуражкой. Для самого Того всё – сотрясаемый взрывами корабль, слепые визгливые осколки, стылые брызги накрытий, пульсирующая боль, в конце концов... Всё это подводило к мысли, что ещё час такой бойни, и он будет вынужден выводить истрёпанные корабли, признав поражение!

В щёлочках... в чёрных угольках адмиральских глаз дотухали всполохи залпов, расплываясь в неоправданных надеждах и последних доводах.

Нахождение в удобной наблюдательной позиции и весь его опыт всё-таки позволял усмотреть, что интенсивность стрельбы упала не только на японской эскадре. И оставалось только верить, что враг не в лучшем состоянии.

Оттолкнув едва закончившего санитаря...

«Микаса» почему-то кренится, уходя из-под ног... Что это?! Ах! Нет! Это не очередная пробоина под ватерлинию и тонны принятой воды... что-то временное с управлением – серый мастодонт возвращается на прежний курс, качнув в другую сторону.

Снова отцепившись от подставившего плечо санитаря, переступая через окровавленные тела и зловещие лужи, командующий ухватился за леерный поручень, всматриваясь... Ставя себе условную черту, границу, зарубку – до которой...

До которой ещё столько-то времени – получасье? Больше?

До которой столько-то оборотов винтов и накрученных миль – к исходу?

Ещё столько-то залпов... снарядов – отправленных (метко?) и ответных... полученных.

И если, демон их всех заberi, врагу по силам сохранить боевой порядок и курс...

И если будет продолжать отвечать огнём на огонь...

То всё!

К чёрту эту черту перейдя – выходить из боя... уводить избитые броненосцы в Курэ, в Сасэбо! На ремонт наскоро – успеть к появлению Рождественского... и капитально к приходу Небогатова.

Отмеряющий свою незримую, условную грань... Сам на грани – дёргающей болью в осколочной ране и подкатывающей тошноте, командующий Объединённым флотом не знал, на каком пределе всё держалось...

Да и на русских кораблях не догадывались.

* * *

Русская колонна шла едва ли не по линейке, никак не маневрируя. Японцы пристрелялись, обильно пятная корабли фугасами.

⁵ На «Микасе» для перезарядки орудий главного калибра требовалось опускать стволы на уровень +5 градусов.

Как желал Того, «Цесаревичу» неизменно доставалось, то и дело получая с кормовых углов. Снаряды не пробивали броню, но сотрясения и осколки делали своё дело, нарушив механизацию, вынудив башни кормового плутонга перейти на ручное управление.

А тем временем история продолжала обрабатывать свой, правда изрядно подпорченный, сценарий.

Хронометры перевалили за шестой час, когда 305-миллиметровый снаряд, ударивший в фок-мачту, прошёлся осколочно-огненной метлой по мостику русского флагмана.

Мостик был пуст, но!..

Контр-адмирал Витгефт, в силу того, что противник пошёл на обострение и эскадра терпела сильный огонь, видел необходимость манёвра. Требовалась быстрая оценка обстановки, а обзор с рубки был весьма плох.

Не обращая внимания на едва ли не хватающих его за руки штабных, командующий решительно вышел на нижний мостик. Там его и сшибло взрывной волной. И вовсе скинуло бы вниз, не зацепись он за ограждение... обдавший шимозным жаром, окровавленный, беспомощный, но живой!

Подхватили, понесли... осторожно, потом спеша, ибо время шло на минуты, секунды... в лазарет. Донесут ли?

Следом вели на подгибающихся ногах Матусевича – тому тоже «посчастливилось».

Поспешив вслед за командующим с намерением, несмотря ни на что, затащить упряма-адмирала обратно: «Не бравируйте без нужды, Вильгельм Карлович!», начальник штаба по слепой случайности поймал свой осколок.

Управление вынужденно принял капитан 1-го ранга Иванов, приказавший не оповещать по эскадре о выбывших адмиралах, понимая, что именно сейчас эскадра нуждается в «ведомом» и смена командующих повлечёт к смятению и бестолковости.

Вот только совершать какие-либо эволюции строя поостерёгся, несмотря на предложение штабных.

Эскадра продолжала идти прежним курсом, паля по всей возможности, подвергаясь ответному огню.

* * *

К исходу шестого часа на иных кораблях на вид живого места не было. Флагманы («Цесаревич» и «Пересвет») порой совершенно пропадали в клубах бурого, чёрного дыма... шимоза иногда подкрашивала картину зеленоватым... ядовитым.

А сквозь завесу гари пробивались всполохи ответных выстрелов, попаданий-разрывов, огненные языки пожаров... Летели куроченные обломки – всё, до чего могли достать фугасы: железо надстроек, дерево шлюпок, обшивка труб, дефлекторы вентиляторов, части рангоута, листы и стальные тросы дополнительного блиндирования, которые, кстати, честно «обрабатывали» своё предназначение.

Постепенно (когда и наскоро что-то удавалось починить) выходила из строя артиллерия.

Правый борт «Ретвизана» отстреливался лишь парой двенадцати- и шестидюймовок.

На «Победе» замолкли одно 254-миллиметровое и три 152-миллиметровых орудия.

«Пересвет», которому основательно доставалось, на время прекратил огонь носовой башней, а средний калибр на стреляющий борт совсем заткнулся... Под градом беспощадных осколков комендоры, матросы кувалдами и матом пытались хоть что-то привести в годность.

Артиллерия «Севастополя» практически не пострадала, тогда как огневая мощь «Полтавы» убыла на треть.

После поднятия эскадренного хода до пятнадцати узлов (впоследствии сниженного на полтора узла) эта парочка начала отставать, поначалу собрав на себя огонь сразу пяти кораблей противника.

Однако Того рвался обойти вражеский строй, и вскоре два концевых броненосца русской колонны сцепились с хвостом японской. Это привело к тому, что «Ниссин», схлопотав подряд три разнокалиберных снаряда, дымящий грудой железа на месте кормового мостика, на время покинул строй, ускользая из-под накрытий. Вынужден был, «поёживаясь», вилить на курсе «Якумо», которому пришлось терпеть всю мощь кормовых ракурсов «Севастополя». А сунувшийся было с северных румбов «Асама», напоровшись на залпы доселе не обстреливаемых левых бортов «концевых» русских, поспешил отвернуть. Потянув за собой шлейф дыма, «герой Чемульпо» теперь боязливо огибал побоище, нороя в итоге пристроиться в строй кильватера первого отряда.

Что касается главных броненосных сил Того, то и тут 1-я Тихоокеанская не осталась в долгу. Более того, по ошибке японского адмирала именно «Микаса» пострадал больше всего, по мере опережения последовательно подставляясь под огонь всей русской колонны.

Самому же Хэйхатио чертовски везло – снаряд большого калибра, разорвавшись на переднем мостике, разметал окружение адмирала, оставив самого с небольшим ранением.

Но уже молчали обе башни главного калибра, покрытые копотью и оспинами попаданий... даже не ворочались.

Да и бортовые казематы «Микасы», что ранее вызывали нарекания по защищённости, «выдохлись» до едва ли не единственной уцелевшей палящей шестидюймовке.

В целом распределение огня «шесть на шесть» давало свои положительные результаты – ни один из японских кораблей не избежал ответного огня. Ни один не вёл стрельбу в тепличных условиях «необстреливаемого».

Ко всему японская шимоза «подыгрывала» за русских – помимо повреждений от вражеских снарядов имелся ущерб от собственных. У «Сикисимы» носовая башня красовалась огрызком одного орудия из-за детонировавшего в стволе снаряда. «Асахи» мог похвастаться сразу двумя обрубками на корме.

В общей сложности японцы лишились более трети своих орудий, в том числе и главного калибра. Имелись и другие повреждения, включая пробоины ниже ватерлинии... Впрочем, с вполне переносимыми затоплениями.

Тем не менее Того полагал ситуацию если не критической, то близкой к тому... или мягче – патовой.

Дальше будет надрывное «перетягивание каната».

Без явного результата. С тяжёлыми последствиями.

– С далеко идущими последствиями, – безрадостно подчеркнул адмирал, не обращая ни к кому – для себя, – гайдзины укрылись в своих бронированных коробках, и ни пробить эту крепость, ни вытащить их из щелей не представляется возможным.

Понимал, что лукавит, опуская тот момент, что и моряки микадо, пожалуй, кроме него, части офицеров и пожарных партий, в основном без нужды на палубу не высывались (о людских потерях адмирала не информировали... не до того).

Глядя на чужие корабли, сравнивая, даже издали в бинокль, неизменно казалось, что они терпят больше от огня, нежели свои. Однако тонуть ни один из них не собирался. Даже затоплений особых – кренов или дифферентов – у противника не замечалось.

«Впрочем, как и по японской эскадре, – признал Того, – будет сэру Уильяму материал для отчёта в Адмиралтейство и пища для размышлений. Современные мощные корабли оказались крепче, чем сила оружия, которое они несут. По крайней мере, артиллерийское. Вопрос – как действовать дальше?»

Ринуться на сближение, вынудить отвернуть, выбив, выведя что-то из вражеского строя, а возможно и утопив, вплоть до тарана, ценой гибели или серьёзных повреждений своих кораблей (что наверняка случится), Хэйхатино считал неприемлемым.

Сравнивая на перспективу, Того находил за русских единственный весомый аргумент – у них был резерв на Балтике.

У Японии – лучшая материальная база для починки судов в портах метрополии и...

«И прозрачные обещания британцев», – напоминание о возможной помощи англичан скорей уколело, нежели успокоило.

Японский командующий терялся в выборе:

«Совершить ещё попытку в ранее выбранной тактике маневрирования с охватом „головы“ русских?»

Тактике далеко не безупречной в исполнении, надо сказать. Или продолжать кильватерный бой и ожидать... чего?»

* * *

...Отступая в метафизику.

Японский адмирал уже перешагнул ту свою условную границу, после которой собирался отворачивать, признав тактическое поражение. Однако тянул, тянул, ожидая чего-то, оглядываясь первобытным мистическим чутьём на смутное воспоминание из сна – ночную подсказку... Намёк на некую предопределённость и стечение обстоятельств.

Зывал ли Того к богам, к Аматерасу? Слышала ли его эта древняя желтолицая дама?

Или... если уж заговорили о какой-то предопределённости, то тут, пожалуй, стоит вспомнить о более узкоспециализированном божестве, что подвязалось именно на «неотвратимости».

Вот и отстукивали метрономом, били набатным колоколом и тихими ходиками хроночасы Ананки-неизбежности, норовящей свести игру к старым правилам. Иначе чего бы ей прямоносой⁶ тут в этих далях вообще делать.

Однако чего-то хмурилась гордая гречанка, в непонимании щуря глаза (уж не япона ли всё же мама?), подмечая – что-то идёт не по её мерилам, обходя её божественную компетенцию.

А «телега истории» (уместна ли такая аллегория на море) карабкалась, скрипя несмазанными осями, виляя шатанием, по чуть-чуть, понемножку... норовя выбиться из накатанной исторической канвы... канавы и проложить новую колею.

И кто же там такие строптивцы, что полагают... Располагают?

Неужели вызов греческой богине?! Или самому Творцу?!

Да, где он, тот Творец...

Как и где они – Ананка или Аматерасу?

Ушли пристрелочным шестидюймовым в «молоко» – мимо.

Без оглядки.

Без интереса – разбирайтесь-де сами.

Неужели сами?!

Или нет? Или нет, и как говорится, человек полагает, а кое-кто располагает?

Что ж, долой мистику, вернёмся к железу и плоти.

Или к закону больших чисел?

⁶ Ананке (Ананка) относится к пантеону греческих богов. Греческие носы даже с точки зрения европейцев имеют характерные черты.

* * *

К исходу шестого часа некоторое тактическое преимущество 1-й Тихоокеанской было утрачено – японская колонна: «Микаса» обогнал по траверсу русский флагман, его практически уже обошёл и следующий «Асахи». Накатывал «Фудзи»...

Капитан 1-го ранга Иванов, понимая всю лёгшую на него ответственность, прислушиваясь к рекомендациям штабных офицеров, приказал переложить руль, имея целью короткое уклонение «лево на борт».

«Цесаревич» уже начал плавно реагировать, когда в просвет боевой рубки, разметав лохмотьями дополнительное блиндирование, ворвался огненный и осколочный шквал разорвавшегося снаряда!

Ударило вспышкой, повалив всех, кто был, на пол!

Очумелые звоном в голове, не замечая в шоке боли... кто мог, шевелясь, поднимался на ноги, шатаясь, падая...

Кто стонал не в силах, ворочаясь... Кто молчал уже навсегда безвольным телом...

Привод рулевого управления оказался заклинен, повалив броненосец в крен на циркуляции...

На циркуляции до момента, пока в железных недрах, боевых постах кому положено не сообразили, что «команды не поступают... запросы без ответа»!

До скачущих и таких тягучих минут, пока добравшийся до опалённой рубки старший офицер не принял командование... Пока не перевели управление на центральный пост, где имелся рабочий машинный телеграф, но ни черта не было видно по окружающей обстановке... И когда выяснилось, что с рулевым управлением опять какая-то чертовщина.

Оказалось, что курс держать удаётся лишь машинами!

И всего этого не произошло... Флагман продолжал выписывать циркуляцию, вводя в заблуждение мателоты, командиры которых посчитали, что Витгефт предпринял «новый маневр»... «кардинальный манёвр»...

... пока не пришло понимание...

– Чёрт побери! Господи! Кажется, «Цесаревич» потерял управление!

И кто-то:

– Да ведь командующий не раз талдычил об этом перед боем!

Может, поэтому не было никакой лишней сумятицы. Оценка ситуации среди командиров, офицеров – здравая! Действия – целесообразны.

Но... раздраз был неизбежен!

Было дёрнулся, потянулся вслед за флагманом «Ретвизан», но его командир каперанг Шенснович возвращает броненосец на прежний курс! Тоже вспомнив настойчивое витгефтовское: «...если флагман потеряет управление, сохранять строй!»

С теми же мыслями в рубке «Победы» внимательно и последовательно держали в кильватер «Ретвизану». Всё ждали, когда вице-адмирал Ухтомский на «Пересвете» оценит ситуацию и примет командование на себя:

– Следить за младшим флагманом!

А тот ждал, что вот сейчас «вожак» оправится, вернётся в строй, что управление эскадрой восстановится... само собой.

На «Цесаревиче»... на нём что-то пытались сделать, отрабатывая машинами! Но всё что смогли – довершив разворот, двинули в обратном направлении.

Бронированный «пузан» (а из-за этой своей особенности и без того валкий) шёл вдоль строя, виляя как пьяный, наводя шороху на всю эскадру. Отпрянула «Победа» во избежание столкновения. Резко сбавил ход, травя пар, «Пересвет», уклоняясь вправо.

Командир «Севастополя» Николай Оттович Эссен и вовсе решил: коль строй нарушился и ситуация неясна, и противник вот-вот воспользуется неразберихой... неразбериху надо внести в стан врага, атаковав, а там... дай бог, кривая вывезет!

«Севастополь» тоже повернул вправо – на сближение, продолжая палить по «концевым» японцев.

Чуть отстающая «Полтава» репетовала манёвр, поддерживая огнём.

Впрочем, пальба ни на минуту не утихала ни на одной из сторон. Там...

... Там шестидюймовый пробил борт «Якумо» под фок-мачтой на уровне ватерлинии, круша скос, переборку, разорвавшись в машинном отделении.

... Там второй подряд удар чего-то крупнокалиберного в броневой пояс «Сикисимы» вызвал течь и фильтрацию воды в кормовых отсеках.

... Там, на «Цесаревиче» было не до того! Там, наконец, выбрасывают сигнал: «Адмирал передаёт командование младшему флагману!» Пытаются обуздать непослушное судно. Пытаются влиться в строй... получается не ахти!

С незатухающими пожарами, кренясь, броненосец выписывает новый координат, по дуге прорезав строй эскадры, проходя по корме «Севастополя».

Сигнал о передаче командования на «Пересвете» принимают, репетуя приём полномочий: «Следовать за мной», но его сигнальные флаги по эскадре не распознают, не разбирают! Раздрай был неизбежен!

* * *

Того понял – дождался! Сразу поверил – это оно!

Восторжествовал, почувствовав, как кровь приливает к лицу и... озадачился – что?

Что происходит?

Русский флагман потерял управление?! Очевидно!

Повреждён и уступает место мателоту?! Скорей всего!

Или вообще – Витгефт отказался от прорыва, уводя эскадру обратно?

Но почему ж остальные... куда их к демонам несёт – остальных?

Стиснув крепче бинокль, будто выжимая из него большую кратность, Хэйхатири пытался отследить и хоть что-то понять в том намечающемся эволюционном хаосе, что медленно постигал эскадру противника.

Главный фигурант и цель – «Цесаревич», выписав разворот, вышел из-под огня, повернув назад.

Часть русской колонны неправильным строем фронта приняла на зюйд, словно нацелившись наперерез «концевым» японского отряда, а там слабое звено – крейсера.

В то время как ставший «головным»... «Ретвизан» (всплыла подсказка) продолжал движение прежним курсом.

«Микаса» уже склонялся к северу, увлекая за собой остальные корабли в охват русских. Того видел – противник всё-таки подставился, смешавшись!

Видел хорошую возможность – срезать угол, сокращая дистанцию до пятнадцати кабельтовых, и бить! Почти в упор, продольно, бегло.

«Было бы чем», – всплыло ещё одно напоминание... неприятное – о потерях в артиллерии.

Уже час как не закладывало, не звенело в ушах от залпов носовых орудий главного калибра «Микасы». Громыхало только с бортового каземата.

Уже хотел отдать приказ: «Последовательный поворот...»

Громыкнуло ответным от русских, судя по силе шестидюймовым где-то в районе машинного отделения, выбросив белое, быстро рассосавшееся облако пара.

На что лишь раздражённо повёл плечом, уже открыл рот – приказать «последовательный поворот...» и... замешкался, успокаивая себя двумя долгими вдохами-выдохами, возвращая трезвость мысли.

Не мог командующий Объединённым флотом позволить себе поддаваться азарту и непродуманному риску.

Адреналиновое отрезвление вернуло чувствительность, и Хэйхатино поморщился, прекращая судорожный нажим на полированную поверхность бинокля. Шепча проклятья и снова морщась, трогая запястье... бинт, из-под которого подёргивало болью.

От этих осторожно-нервных прикосновений делалось ещё больнее – злило, злость находила выход удовлетворением, когда серые, местами окутанные дымом силуэты вражеских кораблей красились вспышками попаданий. Там...

...Там снаряд попал в кожух кормовой трубы «Севастополя», повредив часть паропроводных труб, выведя из работы одну из кочегарок. Ход броненосца упал до шести узлов.

...Там бессильной вспышкой лопнул 305-миллиметровый фугас, ударив в носовую башню «Пересвета», что уже и без того вращалась только вручную.

...Там, несмотря на упование многих комендоров, целившихся «на глазок», артиллерийские офицеры, успевая считывать по секундомеру, корректируя по дальномеру, горланили в телефон данные.

Там...

Впрочем, таких подробностей Того не видел, досадуя на всплески недолётов, дым, затрудняющие оценку обстановки.

Пока русские шли строем кильватера, всё было просто и очевидно. Теперь же, когда они скучились и ползли кто куда, перекрывая всю панораму друг другом, своими дымами, адмирала посетили сомнения.

Непонятность в эволюциях противника с предполагаемым сокращением дистанции могла привести к непредсказуемой свалке!

В голове сложилась, мигом задвигалась воображаемая картина: на морской глади серыми фигурами кораблей... свои, чужие! Кто? Куда? Повороты, уклонения – «последовательным», «все вдруг», вразной! А в итоге... неразбериха!

Ближний бой! То, чего он опасался, чего категорически требовалось избежать. Потому как беспорядок только на руку противнику! Потому что лёгкие силы русских – миноносцы в оперативной близости, буквально под рукой, в то время как его...

Особенно когда вот-вот упадут сумерки... и ночь.

Ночь ещё не упала. Упала капля, Хэйхатино почему-то сразу понял – дождя, холодом пробежав по щеке.

Вскинул голову, оглядел по горизонту – совсем незаметно вместе с потемневшим восточном небо затянуло дождливыми тучами.

«Ночь упадёт быстро», – эта мысль несла оправдание, намекала на несостоятельность продолжения артиллерийского боя в клинче... чреватого – и не решился!

Приказа на обострение курса, на сближение не последовало.

Японская колонна продолжала следовать по широкой дуге, садя из всего доступного, пока вражеские порядки находились в разладе и смятении.

Однако эта идиллия избиения длилась недолго... Минуты три, пять...

Вдруг «головной» «Ретвизан» резко повернул на зюйд-ост и, быстро набирая ход, пошёл наперерез, прямо в траверс японскому строю. Тем самым отвлекая, принимая огонь на себя.

«Словно смертник!» – Того снова не замечал боли в раненой руке, вкогтившись в бинокль.

Этот самоотверженный бросок «Ретвизана» лишь прибавил уверенности в правильности решения – держаться от противника на дистанции.

Адмирал не сомневался, что одинокий корабль против всего его отряда практически обречён. Надолго ли его хватит?

Тем не менее «русский» шёл сквозь вздымающиеся водяные столбы будто неуязвимый, поднимая большой бурун у форштевня, на полных оборотах вываливая из труб густые клубы дыма, провоцируя, вызывая тревогу угрозой тарана – его траектория пересекалась с хвостом колонны, всё с теми же крейсерами.

Встречный огонь «Якумо» был бешеным, но по результатам совершенно беспорядочным. По «русскому» бил ещё «Сикисима», но так хорошо заметные шимозные фугасы обходили смельчака стороной – японские комендоры в быстросменяемой дистанции не успевали прицелиться, навестись, вовремя произвести выстрел!

– До него двенадцать с половиной! – каркает голос с дальномера, повышая тональность. – Дистанция двенадцать с половиной кабельтовых!

Словно в невозможном замедлении Того видит, как, не выдержав, стал заранее уклоняться многострадальный «Ниссин», несерьёзно попыхивая одинокой шестидюймовкой.

...Слышит противный шелест – откуда-то прилетает снаряд, тупым ударом встывает в палубу полубака «Микасы» и, будто подумав секунды, взрывается, выкинув чёрный столб дыма и ошметки настила, смрадным дуновением и мелкой щепой дотянувшись до мостика.

...Провожает взглядом опадающий всплеск очередного недолёта, уходящий за корму по мере движения «Микасы».

Возглас флаг-офицера, указывающего рукой, снова возвращает внимание командующего на атакующий броненосец. Тот неожиданно отвёл руль, кренясь на циркуляции, оставив все наконец пристрелянное – кишашее всплесками за кормой.

Выписав крутой разворот, вражеский броненосец уходил, разрывая дистанцию, задействовав на отстреливании кормовую башню.

Опустив бинокль, Хэйхатиро Того смотрел ему вслед.

На двенадцати кабельтовых (чуть больше морской мили) движения «русского» казались особенно быстрыми, какими-то... бандитскими. А учитывая, что это корабль водоизмещением тринадцать тысяч тонн, выглядел он как свирепый кабан, особенно когда «проседал» на нос, закидываясь лохмотьями брызг из-под форштевня и целыми накатами волн, заливающих полубак.

«Вероятно, он получил пробоину и набрал воды, – пришла запоздалая мысль, – что не особо и заметно, учитывая, что большинство боевых судов северных варваров обладают повышенной мореходностью. Так или иначе, своё чёрное дело он сделал».

Японский адмирал вновь взялся за оптику, перенеся взгляд на дальние корабли противника... Солнце клонилось к горизонту – выскочив из-под туч, малиновое светило хорошо осветило их, почти чётко очертив.

Вражеские броненосцы успели собраться в кулак... нет – в колонну, но это снова был кулак!

И пусть японский отряд во главе с «Микасой» грозно продолжал движение по большой дуге, явными намерениями давая понять противнику: «Не пушу!»

«Всё? – Это был скорее не вопрос, а утверждение: – Всё!»

Сейчас русский кильватер согласно тактике первой фазы боя, повернув на нужные румбы вправо, пройдёт на встречных курсах, выдержав (а Того не сомневался, что выдержит) короткий бой. И перед ними – ночной простор Жёлтого моря.

Выскользнули!

Разворот вслед японского броненосного отряда – хоть «последовательный», хоть «все вдруг» – попросту запаздывает.

Надо будет догнать врага, вновь завязывать перестрелку в невыгодной конфигурации... а там уж наступает ночь и всё – дневной бой... артиллерийский бой окончен.

К тому же арсеналы японских кораблей, согласно докладам, использованы более чем на две трети.

Можно честно признать свой тактический проигрыш.

Остаётся лишь беречь броню... и кровь.

Хэйхатиро качнуло, замутив в голове – ощутил нечто похожее на похмелье...

«Боевое похмелье», – уточнил для себя.

«Микаса» уверенно резал податливую волну, шипела вода, обтекая обводы по ватерлинии, настил палубы обрабатывал по ногам работу машин. Мостик свежо задувало встречным и немало притихшим юго-западным ветром.

Вот только имея перед глазами замершую носовую башню, опалённую палубу, изъеденные взрывами надстройки, принимая доклады о других повреждениях, Хэйхатиро Того понимал, что флагманский броненосец из грозной боевой единицы превратился практически в грудку нестреляющего железа, тем не менее сохраняя свою надменную красоту.

Хотелось добавить – английскую.

Сзади, как специально послышалась английская речь – мистер Пэкинхем!

«Знает, когда появляться».

– Я вижу, вам удалось повергнуть противника в бегство, адмирал!

Адмирал проявил вежливость, обернувшись к представителю «дорогих» союзников, подумав, что тот под «бегством» подразумевает дымящий на отходе «Ретвизан»...

Но тут разом заговорили офицеры штаба, обращая внимание командующего!

Бой продолжался, но даже на звук – затухал. Обе силы... эскадры как бы выдохлись. В том числе и потому, что увеличилась дистанция!

Но оказалось – враг предпринял манёвр уклонения влево (что Хэйхатиро тоже вполне допускал), однако на этом не остановился, ни с того ни с сего продолжая разрывать дистанцию! И?.. Неужели?!

Русские... Адмирал снова глотал расстояние оптикой. Их построение и эволюции оставались не безупречными.

...Растянувшись по сложной кривой, ползла колонна броненосцев.

...Отдельно двигался «Ретвизан».

...Дальше за ними виднелись крейсера и изгибающаяся вереница миноносцев.

Адмирал Того стоял, смотрел, ждал...

Небо тонуло в сумерках, хмарилось тяжёлой нависающей тучей. Где-то там в её недрах, вобрав в себя собратьев, набрякнув весом, сорвалась вниз капля, пробив насквозь густое дымом небо, метко попав в покрытый копотью нос японского адмирала, стекая грязной дорожкой в усы.

«Будет ливень», – Хэйхатиро Того стоял, смотрел, ждал, сумев терпеливо замереть, не шелохнувшись, с биноклем, забыв к демонам о ране. Пока не уверился, что русские, повернув на 180 градусов, окончательно уходили! Только тогда нарочито сдержанно (а внутренне торжествуя), прокашлявшись, он отдал приказ:

– Поднять сигнал: «Курс – зюйд-ост». Эскадре отходить в Сасэбо, – негромко дополнив: – То малое, что было можно – сделано.

Он не знал...

Впрочем, об этом чуть позже.

А пока...

«Микаса», а с ним и весь 1-й броненосный отряд с неторопливой последовательностью, словно сами себе не веря, покидал пространство боя, изъезженное корабельными брюхами, порезанное киями, порубанное винтами, изгаженное угольной, пороховой, мелинитовой сажой.

На хвосте русских ещё висели крейсера 3-го и 5-го отрядов, стреляя, кусая по-шакальи, пытаясь помешать их отходу.

Но день неумолимо угасал, наступало время малых хищников – миноносцев.

– То малое, что было можно – сделано, – одними губами проговорил пятидесятишестилетний японец, командовавший на мостике «Микасы», теперь позволивший себе ощутить смертельную усталость.

Вспомнив о той черте, что сам для себя наметил, после которой готов был отвернуть, уже мысленно добавил: «Дойдя до предела и зайдя за...»

* * *

Командующий Объединённым флотом Японии не знал, на каком пределе всё держалось у противника. Да и сами там, на русских кораблях, не догадывались – не на всех... и не все.

Как бы кто там ни спорил о роли личности в истории – в «за» и «против»... Но именно военная структура, где всё подчинено командиру (на крайний случай штабу), как ничто другое подчёркивает, насколько личностное мнение, физическое состояние и просто настроение одного человека может влиять на развитие событий.

Тем более когда на кону судьба всего сражения.

С японской стороны всё зависело от решений самого Того.

С русской, к сожалению, всё разбилось на частности – от единоначалия к ранговым замещениям, до вынужденной инициативы.

Несомненно, выходка (в хорошем смысле слова) капитана 1-го ранга Шенсновича, бросившего свой «Ретвизан» в критической ситуации на прикрытие эскадры, достойна оценки как «смелая».

Можно сказать и «лично смелая» – вполне! Даже опуская тот момент, что «отчаяния одиночки» тут не было – капитан 1-го ранга надеялся, что за ним последуют и остальные корабли эскадры, поддерживав. Да и в бронированной рубке человек себя ощущает если не до конца в безопасности, то весьма защищенным. И уж будем честными – фатализмом мы склонны скорее бравировать, он бродит в наших головах сторонкой. Не японцы мы...

Так вот.

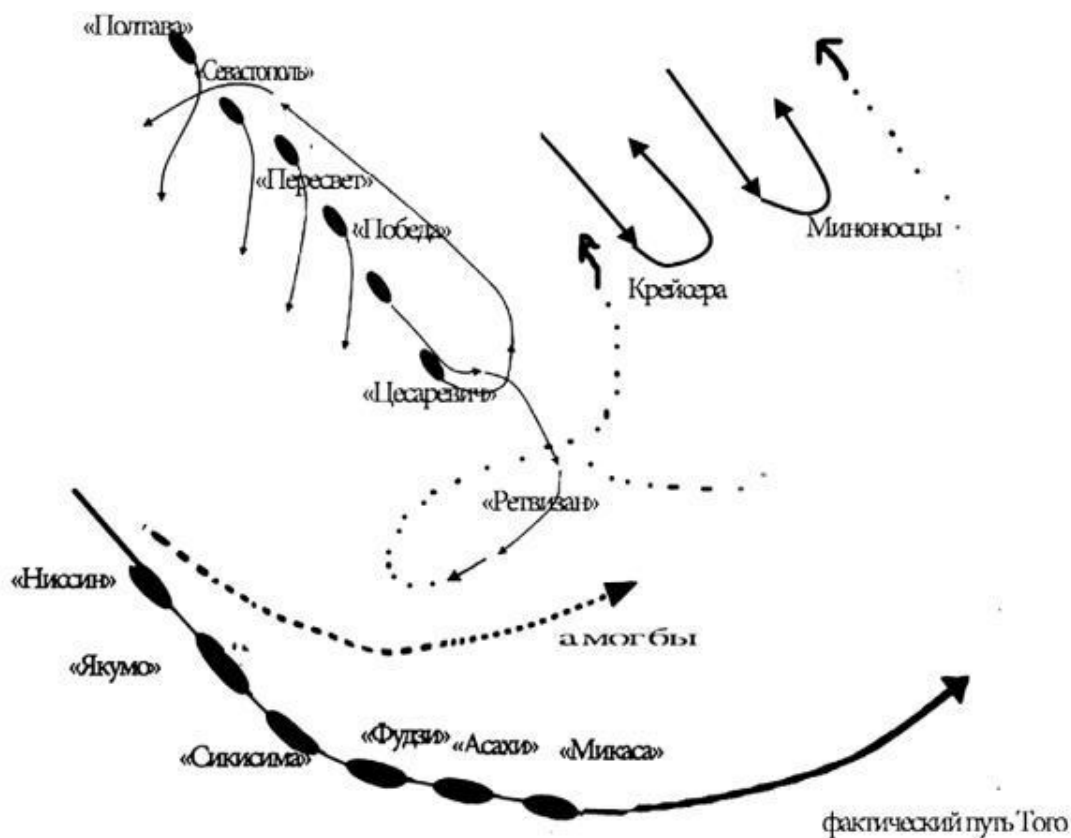
В реальной истории осколок от разорвавшегося японского снаряда, попав в живот командира «Ретвизана», вызвал у того контузию брюшной полости. Надо сказать, что это боль... сначала дикая, потом сильная, ноющая, пульсирующая, которая вторгается в мысли, мешая нормально и правильно думать, принимать адекватные решения.

И будучи в мутном состоянии, по-прежнему наблюдая расстройство и отсутствие какого-либо видимого управления эскадрой, Шенснович позволил «личному» повлиять на «общее» – отдаёт приказ уходить в Порт-Артур, по сути, и тем самым увлекая за собой остальные корабли.

В итоге долгий и упорный бой сошёл к бездарному бегству.

Тут ещё можно добавить, что лично у Шенсновича было разрешение Витгефта «при неприятных обстоятельствах возвращаться»... как и у всей эскадры – вплоть до интернирования.

Однако в нашей истории подобные вольности адмирал Витгефт не раздавал за категорическими запретительными «подзатыльниками» из Петербурга... от самого государя.

Но имеем то, что имеем – люди те же... Ситуация практически такая же, и сумела она (сука) подойти к такому же критическому порогу.

Поэтому вернёмся к тому, о чём не знал командующий Объединённым флотом Японии Хэйхатиро Того. К тем частностям трагической неуверенности и упрямого долга, от которых зависели жизни и смерти, судьба первой Тихоокеанской, и как бы ни всей войны, и...

И, пожалуй, оборвём. А то и так в конце с пафосом переборщили.

«Ретвизан»

– Не гневите бога, Эдуард Николаевич!

Заподозрить в малодушии командира после таранной атаки, пусть и не удавшейся, старший офицер не мог. Но видел, в каком состоянии тот пребывает, настаивая на отправке в лазарет.

А тут ещё вдруг это его объявление:

– При наличных повреждениях нам остаётся только возвращаться в Порт-Артур.

Командир «Ретвизана» капранг Шенснович, оставаясь в боевой рубке, не находил себе места, кривясь, морщась от боли. Встанешь – шатает. Сядешь – щемит, не усидеть.

Резь, закрутив в узел кишки, прорывалась то рвотными, то галлюцированными спазмами. То отпускала благом, холодеющим бисером пота на лбу.

Для него специально притащили тяжёлое кресло из кают-компания – вот только так, привалившись, полуприсев, было более или менее терпимо. И немного возвращалась ясность мысли, а с ней досада и какое-то опустошение.

Его порыв – на прорыв не поддержали!

Того перекрыл южные румбы очередным охватом, и избитая эскадра снова «под ножом».

Считая Витгефта не самым удачным командующим эскадрой, а уж Ухтомского и вовсе... понимая, что у самого мысли, как манная каша, капитан 1-го ранга всё же полагал, что следует выводить эскадру из боя, сохранить!

Но, несмотря на приказы сверху, полагал, что остаётся один путь – возвращаться в Порт-Артур.

При опасениях по поводу затоплений в носовой части «Ретвизан», сбавив ход, уже на тринадцати узлах обходил изломанный строй броненосцев, склоняясь к северу.

– Да как же так, Эдуард Николаевич! – В тоне старшего офицера ещё сохранялись недоуменные и просящие нотки. – Ведь приказ был – только вперёд!

– Полноте...

– «Пересвет» воротит на норд, – донеслось с мостика, – за нами идут!

– Потеряем бездарно все, что навоевали нынче. Японец тоже избит. Видали «Микасу»?! – Теперь офицер заговорил возмущённо и упрямо. – Посралим честь русских моряков!

– «Цесаревич»! – кричит сигнальщик. – «Цесаревич» выбросил флажный сигнал!

«Пересвет»

Не переставая кидать в надежде взгляды на «Цесаревича» – не взлетит ли там адмиральский флаг, собрать эскадру в некое подобие строя Ухтомскому всё же удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.